

**Трагедия
ИНГУШСКОГО
народа**

**Трагедия
ИНГУШСКОГО
народа**

Только в последние годы зазвучала в колкий голос правда о трагедии депортированных народов. Как известно, в 1944 году чеченцы и ингуши подверглись тотальному переселению из родных мест. После восстановления в 1957 году Чечено-Ингушской республики не все ингуши смогли вернуться в свои дома: Пригородный район, в котором прежде проживала почти половина ингушского населения, был незаконно передан Северной Осетии.

С тех пор народ борется за восстановление своих поправных прав. Обострившийся общественный интерес к проблеме вызвал появление многочисленных публикаций на эту тему. К сожалению, в Северной Осетии публикации носят откровенно тенденциозный характер. Помещенные в данной брошюре материалы имеют целью помочь читателю составить объективное представление о сути проблемы, ибо они отражают точки зрения ученых и Северной Осетии, и Чечено-Ингушетии. Материалы брошюры подтверждают ту мысль, что преднамеренное искажение истории в угоду конъюнктурным соображениям определенных сил ведет к раздору и вражде между народами. Однако никакие фальсификации не могут перечеркнуть истину.

Сознавать меру ответственности

***должны ученые-историки, предлагая
публикации на исторические темы***

Слово ученого-историка приобретает сегодня огромный резонанс. Неверно истолкованный факт прошлого, предвзятая трактовка подлинных событий, неосторожно сказанное слово с такой трибуны, какой являются средства массовой информации, могут повлечь за собой негативные последствия, посеяв зерна межнациональной неприязни. Об этом говорили за «круглым столом» ученые-историки Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Организовали беседу редакции газет «Голос Чечено-Ингушетии» и «Социалистическая Осетия». Со стороны Северной Осетии в разговоре участвовали профессор Северо-Осетинского госуниверситета М. М. Блиев, доцент этого вуза Р. С. Бзаров, редактор журнала «Мах дуг» А. Колзати. Были приглашены также ученые В. Д. Кучиев и А. В. Исаенко, к сожалению, они в тот день не смогли участвовать в беседе.

Со стороны Чечено-Ингушетии были доктор исторических наук М. Б. Мужухсев, кандидат исторических наук Т. Х. Муталиев, заместитель директора Чечено-Ингушского государственного объединенного музея по науке М. Н. Музаев, председатель общества «Мемориал» А. З. Вацуев.

Учитывая актуальность поднятых на встрече проблем, предлагаем материал «круглого стола» с некоторыми сокращениями и незначительными правками стилистического характера.

Ведущий. В последние время интерес к истории, к прошлому своего народа значительно возрос. В Чечено-Ингушетии большой резонанс получили материалы чрезвычайной сессии Верховного Совета Северной Осетии, проведенной в ответ на передачу Центрального телевидения, показанную 9 сентября.

На этой сессии депутаты не обошли и исторических проблем, причем их трактовка отождествлялась очень болезненно среди чеченцев и ингушей. Такую же реакцию вызвали публикации в «Социалистической Осетии» «Размышления по поводу...», «Разум — выше эмоций», «Северная Осетия: на перекрестке эпох» и другие. Хотелось бы поговорить о том, как появляются такие публикации, о тех исторических проблемах, которые в них обозначены.

М. Блиев. Позвольте начну я, поскольку я здесь самый старший по возрасту. Встреча наша может быть интересной и полезной, но я сомневаюсь в том, что надо обсуждать исторические сюжеты. Если мы откроем по ним дискуссию, то отодвинем проблемы, касающиеся сегодняшних наших отношений. Нам надо сейчас высказать свои пожелания, конструктивные идеи, надо объединить наши усилия и вместе подготовить издание документов. Надо, чтобы мы пришли к пониманию ответственности того, что мы делаем. Мы не поймем друг друга, если удалимся в полемику.

Наши гости, я вижу, привезли с собой столько материала, словно приготовились сражаться, хотя перед нами только листки, которые здесь лежали.

Т. Муталиев. Мы можем все это отодвинуть и оставить только газету «Социалистическая Осетия» со статьей «Северная Осетия: на перекрестке эпох» — она же справка для комиссии Верховного Совета СССР, работавшей в наших республиках. Да материалы прошедшей недавно чрезвычайной сессии, также опубликованные в вашей газете...

М. Блиев. Наша справка «Северная Осетия: на перекрестке эпох» печаталась в трех номерах. Две первые части соответствуют тексту, нами подготовленному. Третья часть не соответствует (за исключением 18—20-х годов XX века), поэтому авторы не несут за нее никакой ответственности. То есть, я не имею к этому материалу никакого отношения. Что касается древнего периода, то мы — профессиональные историки каждый в своей области, и в доаланский период нам не стоит углубляться.

Предлагаю подготовить сборник документов, договориться о какой-то общей проблеме. Я настаиваю на этом совместном сборнике по горячим периодам нашей истории, это было бы достаточно убедительно. Почему бы нам не начать сегодняшний разговор с обсуждения профессиональных задач?

М. Музаев. Исторические вопросы становятся политикой сегодняшнего дня. Создается впечатление, что в Северной Осетии оправдывают три геноцида против чеченцев и ингушей: геноцид середины XIX века, геноцид, учиненный генералом Деникиным, и геноцид 44-го года. В изложении этих событий допускаются серьезные искажения. Да, исторические проблемы нас интересуют, потому что они стали во-

просами сегодняшней политики, международных отношений. Они отражаются на страницах газет, на митингах, в выступлениях депутатов на чрезвычайной сессии. Поэтому обсуждение их нам не избежать.

Р. Бзаров. Я считаю, что история не может служить аргументом для выяснения политических вопросов, которые возникли сегодня. Я всегда отказываюсь от обсуждения исторических сюжетов в разрезе политических моментов. История не может помочь в тех вещах, которыми заняты сегодня наши народы. Здесь хотелось бы остановиться на одном моменте, близком для нас. На одной из сессий Кавказской ассамблеи в Нальчике мы встретились с представителями Чечено-Ингушетии и договорились о том, чтобы ответственно подходить к публикациям на историческую тему, которые к тому времени имелись только с одной стороны...

Т. Муталиев. С какой именно?

Р. Бзаров. Я имею в виду вашу сторону, неформальную прессу. У вас была к тому времени неформальная печать. У нас нет разделения на формальную и неформальную печать в том смысле, если «Социалистическая Осетия» не может напечатать, то обращаются в неформальную печать. Мы этого, слава богу, избегали.

Если мы будем сегодня, завтра, послезавтра вести речь о каком-то историческом сюжете, то этот разговор должен оставаться в рамках академической науки. Если можем заподозрить противоречия с любым историком и это каким-то негативным образом скажется на развитии политических ситуаций, то на-

до воздержаться от публикации таких материалов, от публичного обсуждения таких вопросов.

Второе, что хочу сказать. Историческая почва для решения политических территориальных вопросов не может быть принципиальной. По той простой причине, что придется обратиться к изначалу, встать на четвереньки. Потому ни в 1944 году никто не возвратится, ни к гражданской, ни к Кавказской войне, ни к XVIII веку, ни к Золотой Орде. Нельзя принципиально сойтись на исторической почве. Сойтись можно на том, что человек провинился от обезьяны. Меня убеждают в этом события, происходящие в стране — в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии и т. д.

М. Мулухоев. Я сразу обозначил бы тематику, проблемы нашего разговора. Пока это тематика нами не затронута. У нас здесь, как я понял, нет специалиста по древней и средневековой истории, по гражданской войне. По многим позициям вы не готовы беседовать. Может быть, беседовать нет смысла? Пока мы ни о чем не говорим. Мы приехали как специалисты по древней и средневековым проблемам, у вас этих специалистов здесь нет, дискутировать не с кем.

Т. Муталиев. Дело в том, что с противоположной стороны «круглого стола» не прозвучало практически ни одной фразы, которую нельзя было бы не принять. Вы говорите очень убедительно о том, что любое осторожное слово историка может принести большой вред, что особо болезненные страницы истории требуют бережного к себе отношения. Согласен с вами. Я сказал,

что эта статья явилась ответом на какие-то публикации в неформальной вашей печати. Мы задаем вопрос, какую именно публикацию вы имели в виду, после которой посчитали необходимым в трех номерах «Социалистической Осетии» дать ответ?

Вы сказали, что эта публикация явилась ответом на выступление неформальной печати. Насколько я знаю, неформальной печати у нас в республике не существовало, когда в июне прошлого года «Социалистическая Осетия» стала проводить диспуты на предмет того, как наименовать город Орджоникидзе. Может быть, вы этого не почувствовали, но очень болезненно затронули в этой дискуссии чувства ингушей. Я имею в виду публикацию в «Социалистической Осетии» «Как зовут тебя, город?». Марк Максимович обосновывал, что Заурово — исконно осетинское селение и поэтому необходимо переименовать город в Дзауджикау. Некоторые товарищи предлагали другие названия.

В то же время «Грозненский рабочий» («Голос Чечено-Ингушетии») по этим проблемам не выступал. О 1944 году — да. О выселении писали. Но ни о XVIII, ни о XIX веках газета нашей республики не давала материалов. Единственно, газета «Сердало» выступила на эту тему после тенденциозной статьи в «Правде» в марте текущего года. Но там были подняты только некоторые вопросы.

И вот, слушая ваши убедительные аргументы и зная действительную ситуацию с публикациями в нашей республике, мне совсем непонятно, как могла, Марк Максимович, появиться

статья? Хорошо, от авторства третьей части вы отказываетесь, будем говорить, по двум частям вашей статьи. В ней нет ни одного абзаца, с которым можно было бы согласиться. После многих выступлений на чрезвычайной сессии Верховного Совета СО АССР, в которых говорилось о необходимости встреч, дискуссий, поиска компромиссов, мы решили встретиться, имея в виду рабочий характер этой встречи. Мы ехали не на сражение, как вы выразились, а на разговор компетентных людей, полагая что в рамках научной дискуссии могли бы побеседовать по всем темам, которые вы же и подняли. Теперь непонятно, имея такие взгляды на историю, с которыми нельзя не согласиться, как объяснить появление этой и других публикаций. Кроме того, больше часа мы беседуем и по существу ничего не сделали.

М. Блещев. Дорогой мой коллега. Вы действительно оптимистично смотрите на возможность сложного научного обсуждения, если вы говорите, что ни с одним пунктом этой статьи не согласны? Между тем, я, ваш покорный слуга, участвовал в составлении этой справки. Как же мы можем спорить, когда заранее, априори, вы заняли такие позиции? Не лучше ли нам с вами, как коллегам, уйти от этих вопросов и избрать проблематику, имеющую отношение к прошлому наших народов, в сотрудничестве двигаться вперед. Когда нас не будет разделять этот стол, а будем сидеть рядом и сотрудничать как историки, тогда нам будет легче искать общие позиции.

Т. Муталиев. Марк Максимович, я в который раз повто-

плю, на возможное сотрудничество смотрю с оптимизмом, хотя бы потому, что, хотим мы того или нет, наши предки тысячи лет жили вместе. Видимо, так будут жить наши потомки. Хотя бы исходя из этого посыла, мы должны быть оптимистами. Второе, я выразил несогласие с содержанием двух частей статьи. Но это не означает, что я настаиваю на том, что изрекаю истину. Для того, чтобы убедиться, аргументированно, обоснованно ли я не согласен, и хотелось бы с вами поговорить. Почему же у нас не может получиться аргументированный и выдержанный разговор?

М. Блиев. Если бы мы вдвоем обсуждали, может быть, удалось выяснить позиции.

Хотел бы вернуться к разговору о геноциде, к его определению. Геноцид предполагает, прежде всего, систему каких-то идеологических установок. То есть, это должна быть политическая система или организация государственности, которая тоталитарна, скажем, фашизм или система, которую мы прожили. Я, например, считаю, что 1944 год — это геноцид, потому что здесь присутствует и идеология, и авторитаризм, когда одна идеология другую не принимала. В XIX веке в истории России я не вижу подобных предпосылок для геноцида. Если бы это был геноцид, то Россия вряд ли в свое время дала возможность переселиться ингушам с гор на равнину для того, чтобы предоставить им новую территорию. Скажем, фашистская Германия предполагала учинить на Кавказе геноцид. Видите, как совершенно по-разному мы смотрим на вещи. Я все-таки не вижу необходимо-

сти нашей дискуссии. Мне интересно было бы, Тамерлан, с нами встретиться, поговорить камерно. Понимаете, мы с вами ученые, на это претендуем, во всяком случае. И проблемы эти, хотя и не камерные, начинать обсуждать надо камерно. Иначе мы запутаемся, не возлюбим друг друга вообще, будем отвергать сразу друг друга, не соглашаться.

Вы предлагаете обсудить статью. А что это означает? Это набор самых горячих точек. Почему мы сразу должны с этого начинать? Если мы настоящие историки, давайте начнем спокойно.

А. Вацусь. (Корреспонденту). Пожалуйста, ведущий, не нарушайте паритет.

М. Блиев. А что, я что-то неправильно говорю?

А. Вацусь. Извините, Марк Максимович. Но дело в том, что у вас это общие слова. Будете пять часов говорить, и мы будем с вами соглашаться.

М. Блиев. Я не навязываю никакого разговора. Я прекращаю.

А. Вацусь. Дело в том, что народ обсуждает статью...

М. Блиев. Но мы с вами не народ. Мы с вами профессиональные историки. Мы должны поступать профессионально.

А. Вацусь. Так ведь мы дали народу эти материалы. Неважно, вы дали или мы. В данном случае, вот они, эти материалы. Одна точка зрения, правильно или неправильно, высказана... Это влияет и на соседнюю республику, в которой от таких же историков требуют: почему вы молчите? Оказывается давление на газету. Мы же решили: давайте встретимся, выясним, почему наши соседи так пишут. А вот, выяснив это, займем определен-

ную позицию. Может быть, где-то наши точки зрения совпадают. Может, наши товарищи в чем-то допустили пережест. Возможно, где-то недопонимаем. Мы и приехали выяснять. И вместо этого мы начинаем заниматься общими декларациями, уходим от конкретных дел.

М. Блаев. Какие конкретные дела вы предлагаете? Давайте начнем с вас.

А. Вацусев. Меня, например, интересует, почему даются искаженные цифры по Великой Отечественной войне. Почему фактически в публикациях вашей официальной печати оправдывается политика сталинского режима в отношении народов Чечено-Ингушетии?

М. Музаев. Меня, например, очень занимает, что в статье «Северная Осетия: на перекрестке эпох» совершенно извращаются события гражданской войны. Возьмем разгром Батано-Юрта, который отрывается от того, о чем мы раньше не говорили, а теперь, видимо, нужно говорить о плане истребительной войны против чеченцев и ингушей, выработанном в январе 1918 года. В его разработке участвовали реакционная часть терского казачества в так называемых военно-революционных советах и Осетии. В частности, руководители Ольгинского Гороев, Тибилев, Батано-Юрт пал жертвой в этих сражениях.

Или же выселение казачества. В газетах «Терский казак», «Социалистическая Осетия» оно всячески напырывается. Вы прекрасно понимаете, что это был вопрос не одного дня, что он решался с января и особенно в марте 1918 года, что не ингушские, не чеченские националисты побудили Терское

советское (народное) правительство принять такое решение. Это была не диктатура пролетариата, а народная демократия. Власть на местах принадлежала национальным советам и отдельным комитетам казачества. И никакие большевики не могли заставить в то время принять негодное этим советам и комитетам решение.

Меня удивляет другое. В мае 1918 года на III съезде народов Терска, которыми руководил Симон Такоев, приняли решение о переселении четырех казачьих станиц — Терской, Суиженской, Воронцово-Дашковской, Фельдмаршальской и хутора Терского. В числе принимавших это решение меньше всех было ингушей — всего два человека. Кстати, у нас имеются документы, прошение жителей самих этих станиц, где они просят переселить их в другое место.

Я скажу, что переселение этих станиц было исторической необходимостью. Оно было понятно даже самим казакам. Именно эти станицы, в отличие от других станиц Суиженской линии, наглухо закрывали горловину — выход горной Ингушетии на плоскость. Вы отлично знаете, что сена скоту — а горцы в основе своей были скотоводами, — хватало на 20 дней, хлеба — чуть-чуть больше. Это была петля, что признавалось в 1919 году и в «Терском казаке». В гражданскую войну эту петлю казаки на горле ингушей стягивали пять раз. Таким образом, переселение готовилось по просьбе самого казачества. Имеются на этот счет документы, принятые в мае 1918 года представителями народов Терска, всеми фракциями, в том числе осе-

тинской и казачьей. Зачем же, имея столько документов, зная эти факты, на каждом шагу извращать историю? Было принято решение, было определено, как это будет делаться, были отведены земли для этих целей, выделены деньги, технические средства. Было достигнуто согласие. А в статье все это выдается, как антинациональная деятельность Орджоникидзе, которого, кстати, тогда еще здесь не было, он появился на Тереке в начале июля 1918 года, во время гражданской войны.

(Реализации решения о переселении помешал бичераховский мятеж — ред.). Хорошо известно, что казаки этих станиц по главе с полковником Рощупкиным принимали участие в мятеже, ворвались во Владикавказ, захватили Шалдон, ударили по ингушам, прервали сообщение горной и плоскостной Ингушетии, поставили в критическое положение горных ингушей. И после этого по приказу Орджоникидзе эти станицы были осаждены. Более того, когда находящиеся там осетины оказались в роли заложников казаков, именно Муса Саутиев, главнокомандующий ингушскими вооруженными силами, настоял на том, чтобы их выпустили. Они на коленях целовали землю и говорили: «Мы птицы из одного гнезда». И после этого станицы были переселены, а вовсе не уничтожены ингушским населением. Не было уничтожено ни 35, ни 70 тысяч казаков, как говорится в ваших публикациях. Откуда эти цифры? Около 70 тысяч жителей насчитывалось в более чем 20 сунженских казачьих станицах. Все терское и сунженское ка-

зачество в то время насчитывало 240—250 тысяч.

Несмотря на то, что казаки указанных станиц принимали участие в боях, убивали ингушей, уничтожали большевиков, — как вы знаете, были убыты два предсовнаркома, сначала Буачидзе, потом Пашковский — Советская власть им не мстила. На IV и V съездах народов Терека опять таки было принято решение о возмещении им убытков, выделении средств. Каждому пострадавшему казаку выдается по 1 тысяче рублей. Ингуши соглашаются выплатить им 120 миллионов рублей.

В статье указывается, что они сражались в отряде красных казаков Дьякова. Разве мы не знаем, что эти станицы (Тарская и другие) были взяты в августе, после подавления бичераховского мятежа, а войска Дьякова созданы лишь в сентябре? Разве мы не знаем, что в войска Дьякова вошли казаки станиц Троицкой, Нестеровской, Ассиновской, Карабулакской, Михайловской? На каждом шагу неточности, искажения документов. А лозунг бичераховцев «Бей большевиков и ингушей»? Мы до сих пор об этом не писали. Но вы, товарищ Блиев, и ваш товарищ Кучиев, который, к сожалению, не присутствует на нашей встрече, призываете говорить полную правду. До сих пор мы говорили полуправду, что-то умалчивали.

Далее, в статье оправдывается возвращение казаков в 1919 году в составе денкинских карательных войск. Эти станицы восстанавливались с боем, с уничтожением большого числа ингушского населения. Были уничтожены крупные села Сурхахи и Экажево.

Казачьи отряды станиц Тарской, Воронцово - Дашковской, Фельдмаршальской, Сунженской создают батальон в 450 штыков (кстати, документы об этом у вас в Северо-Осетинском архиве имеются). Полковник Рошупкин снова назначается одним из главарей Сунженского округа. И этот батальон причиняет огромные бедствия ингушскому населению.

Более того, существовал контрреволюционный отряд, который отрезал повстанческое движение в горах. Тот же Мордовцев (один из руководителей терских красных повстанческих войск — ред.), на которого вы ссылаетесь в статье, на себе испытал удары казаков из Тарской и других станиц. И когда приближение Красной Армии стало очевидным, многие казаки стали покидать этот район.

Восстанавливается Советская власть, выполняется решение III съезда народов Терска. Казаки не уничтожаются, как утверждают в Осетии, а переселяются. В книге М. И. Овчинниковой, изданной в Ростове-на-Дону, со ссылками на документы, подробно описывается это. Несмотря на то, что казаки этих станиц трижды пытались уничтожить ингушское население, трижды наносили удары по Советской власти, их переселяют в Ставрополье. Они получают надель из местного земельного фонда, обеспечиваются семенами и денежными кредитами. Решением Юго-Восточного бюро ЦК партии, того же Орджоникидзе, который якобы уничтожил казаков (он возглавлял в то время Юго-Восточное бюро ЦК), от 11 ноября 1921 года казакам переселенцам возвращался незаконно конфискованный сельхоз-

инвентарь. Это пишет не чеченец, не ингуш, а ростовский ученый М. И. Овчинникова.

Зачем же мы на каждом шагу (я беру только гражданскую войну) извращаем историю, пишем, что чечено-ингушские (часто — горские) контрреволюционные отряды нападали на осетин и казаков. И при этом приводятся огромные потери, якобы понесенные от чеченцев и ингушей.

Кроме того, вопрос о переселении станиц Тарской долины не был вовсе там же вопросом, который мы связываем с деятельностью Свердлова по рассказыванию донского казачества. Зачем говорить неправду? Зачем писать, что Орджоникидзе не выполнял указание В. И. Ленина, когда вы отлично знаете, что есть документы, из которых видно, что В. И. Ленин одобрял политику Орджоникидзе. Зачем противопоставлять этих деятелей? Еще что очень печально. Вот тут товарищ (Р. Бзаров — ред.), сказал о «Терском казачестве», что это издание является почти официальной газетой. Она в последнее время отличается развязным и агрессивным тоном в отношении чеченцев и ингушей. Дело дошло до того, что в ней под неизвестными подписями появляются сообщения о том, что чеченцы и ингуши собираются вырезать русских, армян и евреев. У нас сбиваются с ног в поисках провокаторов, которые распускают подобные слухи. А их распространяет через киоски Грозного и Владикавказа почти официальный у вас «Терский казак». За подписью вымышленного чеченца Исы Сулейманова появляется грубая статья, в которой допускаются клеветнические нападки на че-

ченцев и ингушей, и сообщает, что они никогда не жили на плоскости, что вся Кавказская война — это война бандитов, что имамы бросали детей в пропасть, что чеченцы и ингуши смеются над теми, например, над гойтинцами, которые активно сражались за Советскую власть, что они, чеченцы и ингуши, в годы Отечественной войны дезертировали, разложили чечено ингушскую дивизию. И такая ложь исходит со ссылками на документы партархива. Кстати, эти документы некоторыми бывшими работниками обкома партии в последнее время разоблачены как стряпня НКВД. Сам начальник КГБ ЧИАССР И. А. Межаков привел в печати сведения о количестве бандитов, которые расходятся с писаниями «Терского казака». У нас есть конкретные материалы по всем этим проблемам. Чем объяснить эти искажения?

Мне тоже хотелось бы провозгласить высокие декларации о дружбе. Они нужны. О наших взаимных симпатиях. Они тоже нужны. Но дружба должна подкрепляться конкретными делами. А когда мы декларируем дружбу, но издаем подобные вещи, это, конечно, не будет способствовать лучшему взаимопониманию людей.

Р. Бзаров. Я думаю, что вы правы. У меня к вам вопрос. Вы можете отвечать за публикацию в газете «Галггай дош»?

М. Музаев. Если есть моя публикация, да.

Р. Бзаров. Речь идет не о вашей публикации, а вообще.

М. Муталиев. Разумеется, нет.

Р. Бзаров. Я тоже думаю, что нет. Я хотел бы, чтобы те слова, которые я произношу,

трактовались так, как я их произношу. Я не утверждал здесь, что «Терский казак» — это официальная печать, как было сказано. Я не утверждал, что статья («Северная Осетия: на перекрестке эпох» — ред.) отражает мою позицию. Тем не менее, вы ссылаетесь на это. Я считаю разговор полезным. Вы его оценили несколько иначе. В своей деятельности я абсолютно точно придерживаюсь тех принципов, о которых вы говорили. Вы не найдете ни одной публикации под моей фамилией. Не найдете потому, что их попросту нет, поскольку, я считаю, они вредны, если даже в них заключается святая истина. В том, что вы сейчас проговорили, есть расхождение даже с тем, что я хорошо помню на память. Скажем, когда вы говорили об отсутствии документов о том, что осетинская фракция возражала по вопросу выселения казаков. Такие документы опубликованы в двухтомнике. Хотя бы тот же С. Такоев.

М. Музаев. Вы, как и авторы статьи, путаете два-три вопроса, чтобы невозможно было докопаться до истины. Давайте выскажем правду. Скажем, выступление казаков у Грозного осенью 1920 года и их судьба в вашей статье выдается за судьбу казачьих станиц, которые находились в Пригородном районе у Владикавказа. Постановление комиссии Невского (речь идет о комиссии ЦИК РСФСР, созданной в январе 1921 года для решения земельных споров в Горской АССР — ред.), в котором говорится о приостановлении переселения казаков всей Сунженской линии, вы выдаете за решение о возвращении казаков указанных пяти станиц на

их прежние земли. А между прочим, в этом постановлении ничего подобного нет. Мы прекрасно знаем, о чем говорил Симон Такоев на съездах народов Терка. Он говорил не об обратном вселении казаков в те пять станиц, которые были переселены по решению съезда в мае 1918 года (им самим, кстати, возглавляемого), а о том, что не надо выселять другие станицы Сунженской линии. На V съезде народов Терка представитель чечено-ингушской делегации сказал, что чеченцы и ингуши не настаивают на переселении сунженских станиц, если им дадут земли, поддержав тем самым на этом съезде Симона Такоева. Почему мы друг друга пытаемся уверить, будто что-то знаем и неправильно толкуем.

Р. Бзаров. Вы знаете, насколько я слышал, в этом преуспели вы. Я лично, как и Марк Максимович, предлагаю какие-то принципы работы. А что касается взаимных претензий, они есть, к сожалению, и будут, если мы таким образом будем обсуждать исторические сюжеты.

Т. Муталиев. Ну, это отвлеченно все, понимаете?

Р. Бзаров. Вот давайте в следующий раз и встретимся.

М. Мужухоев. Может быть, действительно, вы будете больше готовы?

Т. Муталиев. Марк Максимович, можно с вами поговорить? Они нам не мешают. У меня несколько вопросов по XVII—XVIII векам.

М. Блиев. Я думаю, после работы лично с вами поговорить.

Т. Муталиев. Ну, какая надобность? Мы специально собрались.

М. Блиев. Я согласен. У меня единственный вопрос к вам (Музаеву). Как вы относитесь к публикации Н. Ф. Бугай в журнале № 7 «Вопросы истории?».

М. Музаев. Журнал, правда, мы не получили. Могу четко сказать: Николая Федоровича Бугай я знаю хорошо, встречался с ним в Москве. Мы говорили с ним об этой статье, когда он работал над архивными материалами НКВД СССР. Как вы знаете, — и в Москве нам об этом не раз говорили, — к этим источникам надо относиться очень критически. Если основываться только на данных НКВД, то и сегодня можно считать Тухачевского не меццим шпионом, а Блюхера — японским. Если так порочились отдельные личности, то можно представить, как фабрики ковались документы, когда протавлявалось выселение целых народов. А сейчас многие историки приходят к выводу, что выселение чеченцев и ингушей было предпринято еще перед войной. Поэтому я просил Н. Ф. Бугай относиться к этим источникам осторожно.

А. Вацуев. В прошлом году у него была подобная же статья. Я отношусь к ней критически.

М. Блиев. Там есть такая цифра, что у политических бандформирований на вооружении было более 17 тысяч стволов. Кроме того, когда происходило переселение, было изъято более 20 тысяч единиц вооружений. Как вы относитесь к этим данным?

А. Вацуев. Они абсолютно не соответствуют действительности.

М. Блиев. Вы предлагаете спор?

А. Вацуев. Нет, потому что это бесспорно. Дело в том, что в этой публикации использованы оперативные данные НКВД. От них отказался КГБ ЧИАССР, по материалам которого создан 4-серийный фильм «Расскажем правду» о тех трех десантах, которые забрасывались в горы Чечено-Ингушетии. Сколько было диверсантов, их национальный состав, сколько из них сдалось властям — все эти данные есть. Я просто не хочу сейчас приводить национальный состав этих формирований. Фальсифицированные данные о 10 тысячах бандитов, дезертиров впервые всплыли после событий 1973 года в Грозном. Именно с этих событий официально началось фронтальное искажение нашей истории. На одном из собраний, где секретарь обкома КПСС Х. Х. Боков в своем докладе привел искаженные цифры, против него выступил историк, бывший в годы войны секретарем обкома партии и входивший в тройку по борьбе с бандитизмом, В. И. Филькин. Он сказал, что оперативным данным НКВД и его секретных сотрудников нельзя верить. Через неделю он перестал быть заведующим кафедрой истории партии. Точно не помню последние данные КГБ, но бандитов было не более 400. И вот вы называете цифры 17 тысяч стволов. Вы взяли это у Бугай. Но в справке на это не ссылаетесь. В справке тоже приводится 17 тысяч. Хорошо, что вы еще в статье не дали эти цифры. Знаете, что могло получиться?

М. Блиев. Эти цифры есть в «Вопросах истории».

А. Вацуев. Но в справке не дается ссылка на этот журнал. И цифры эти не соответствуют

действительности. Получается, что у нас начали извращать историю с середины 70-х годов. Фактически от этого вся страна отказалась. Но вы сейчас это подхватили. Подвергается сомнению то, что делается «Мемориалом». Например, ваш историк Глушков в статье «Размышление по поводу...» берет под сомнение цифру 750 человек, уничтоженных в день выселения в одном горном селе, эту цифру назвал Б. Богатырев на I Съезде народных депутатов в РСФСР.

М. Блиев. Меня интересуют политдонесения. Насколько они объективны? Вы говорите: это неправильно, к этому надо подходить критически...

М. Музаев. Можно я скажу? В нашей печати опубликовано сообщение бывшего заместителя наркома юстиции Дзияудина Мальсагова, который перед выселением присутствовал при телефонном разговоре генерала НКВД Серова с Берией. Серов докладывал, что идут серьезные бои, и называл село, из которого только что вернулся Мальсагов. Там не было никаких боев. А генерал Серов докладывал Берии о крупных военных действиях, о больших потерях с обеих сторон. Возмущенный Мальсагов не выдержал и возразил: «Как вы можете говорить такое, если я только что вернулся из этого села и там никаких боев нет?!» Все это легло в реляцию и попало затем в архив НКВД.

Теперь об этих стволах. У нас о них прекрасно знают. Сверху давалось задание изъять такое-то количество оружия. Его не было. Выход нашли простой. Продажей стволов чеченцам и ингушам занимались милиция и внутренние войска.

Делалось это так. Берут родственника, говорят: выпустим, если сдадите винтовку. Винтовки нет. Она продается милицией. И вот одна винтовка продается несколько десятков и сотен раз. Номера оружия не фиксировались. А в реляцию шло, как сданные населением стволы. Начальник КГБ И. А. Межаков в газетной публикации назвал настоящее число бандитов в Чечено-Ингушетии — их всего 335 человек. Хотя бывший в то время заместителем яркого юстиции Д. Мальсагов считает, что и эта цифра завышена.

Другое дело — после выселения чеченцев и ингушей. Я вас прошу не путать число бандитов до выселения и после выселения. После выселения — это не бандиты, а люди, не смирившиеся с беззаконием. У нас есть своя Хатынь — Хайбах. 750 человек заживо сожженных. У нас есть утопленные в озерах Кезеной-Ам и Галайчож. У нас есть больницы, в которых люди уничтожались уколами. Мы сейчас выкапываем их останки. С каждым днем вырисовываются все новые и новые страшные картины сталинских злодеяний.

И когда на таком фоне появляются неосторожные публикации на эту большую тему, то это не может не вызывать у людей гнев и возмущение.

М. Блиев. Мне очень неудобно задавать вопрос на эту тему. Как у двух тысяч бандитов может быть более 20 тысяч стволов, о которых Бугай пишет в журнале «Вопросы истории»?..

- Ведущий. Извините, но мы уклоняемся от темы разговора. Перешли на тему «Бандитизм в Чечено-Ингушетии». Для чего это нужно? Видимо,

для того, чтобы объяснить выселение чеченцев и ингушей? Тогда давайте объяснять и причины выселения других народов...

М. Блиев. Давайте вести разговор корректно. Я никому ничего не навязываю, и не надо вкладывать в уста своего спонсента то, чего он не говорит. Товарищ Вацуев сказал, что он занимался Великой Отечественной войной, что он знает этот предмет. И вышла статья по этой теме. Мне любопытно уточнить...

А. Вацуев. Марк Максимович, в вашей исторической справке называется цифра 2 тысячи бандитов и 17 тысяч стволов. Мы живем не на другой планете. Мы заявляем о дружественном друг к другу отношении. Подавая все это, разве трудно было узнать, как в Чечено-Ингушетии к этому относятся, если есть сомнения, правильно пишет Бугай или нет, неужели нельзя было поинтересоваться об этом у коллег из соседней республики? Вот в чем вопрос.

М. Блиев. Мы пришли к тому, о чем я говорю. Я, например, со своим коллегой Тамерланом, человеком, занимающимся родственными мне проблемами, могу иметь контакт. Я предлагаю этот контакт. И когда у меня будут возникать вопросы к моему коллеге, я готов их выяснять. Я думаю, вам (Музаев — ред.) было бы полезно познакомиться с Кучиевым Василием Давыдовичем, я вы бы нашли точки соприкосновения. Согласитесь, то, чем располагаете вы, не располагает Василий Давыдович. И наоборот. Почему это не принимается?

М. Музаев. Я внимательно читал В. Д. Кучиева, знаю, что

он один из редакторов двухтомника «Съезды народов Терек». И, думаю, прекрасно знает существо дел, о которых пишет. В сборнике Кучиев опровергает то, что пишет в справке и в газете. Я убежден, он знает, что Симон Таков принимал решение о переселении казачьих станиц в мае 1918 года (поскольку сам Кучиев готовит двухтомник). Знает он и об обстоятельствах этих событий, и о боях под Владикавказом, и о дальнейшей судьбе казаков этих станиц, и о том, что они участвовали в денкинском походе на ингушей. Прекрасно осведомлен Василий Давыдович и о том, что переселение казаков этих станиц нельзя путать с восстанием казаков под Грозным. Я читал сноски Кучиева, знакомился с документами, на которые он ссылается, и вижу, что там укрывается другая правда. Я высоко оцениваю его, но не думаю, что он не знает того, что знаю я. Речь идет не о разных документах, а о разном подходе к ним.

Взять, к примеру, документы комиссии Невского. Кучиев пишет, что в этом документе якобы говорится об обратном вселении казаков в станицы Тарскую, Сунженскую и другие. Но ничего подобного в нем нет. В нем сказано: эти и еще пять станиц под Грозным оставить за чеченцами и ингушами, а выселение казаков приостановить. Кучиев пишет, что Ленин требовал вселения казаков обратно в станицы, а местные деятели якобы выступали против. А местные деятели — это председатель Горского Совнаркома ссетин Саханжер Мамсуров. За выселение казачьих станиц, кстати, стоял и нарком земледелия республики ссетин Датиев. За это выступил и

представитель Горской республики при центральном правительстве осетин Созаев. Есть их выступления, есть документы.

Р. Бзаров. Для чего подчеркивать национальность этих деятелей?

М. Музаев. Национальность этих деятелей я называю потому, что в статье-справке говорится, что за выселение казаков стояли чеченские и ингушские националисты. И что это не так, хорошо знает Кучиев.

А. Кодзати. На I съезде народных депутатов РСФСР в выступлении Б. Богатырева прозвучала мысль о том, что ингуши 3,5 тысячи лет назад постресли город Владикавказ. Перед тем, как такое говорить, он справлялся у историков, и вы разделяете его мнение?

Т. Муталиев. 14 сентября в перерыве чрезвычайной сессии Верховного Совета СОАССР на этот в прос председателя Верховного Совета вашей республики А. Х. Гэлазова Богатырев ответил примерно так: Я взял эти данные из книги Евгения Ивановича Крупнова «Средневековая Ингушетия», в которой он пишет, что собобщенный им археологический материал обнаруживает устойчивые следы присутствия непосредственных предков ингушей 3,5 тысячи лет назад. «Я не историк, — добавил Богатырев, — в свое время ВАК присудила этому человеку ученую степень доктора исторических наук. У меня не было основания сомневаться в его данных».

А. Кодзати. А вы сами разделяете его точку зрения?

Т. Муталиев. Это другой вопрос. Я, например, не рискну уходить в такую глубину веков, поскольку я не специалист по этому периоду.

М. Мужухоев. Я понял, что речь идет не о самом городе, а о том месте, где стоит город.

М. Музаев. Я думаю, он оговорился, речь шла о древней территории ингушей.

М. Блиев. Все-таки в этих случаях нужно быть точным.

Т. Муталиев. Согласен, нужно говорить конкретно. Речь идет о территории. Марк Маисимович, у меня к вам несколько вопросов. Поскольку об алашском периоде разговор здесь не состоялся, давайте поговорим о XVIII и XIX веках. Здесь, в первой части вашей статьи-справки есть абзац, в котором указывается, что к концу XVIII века среди части осетин и ингушей отмечаются миграционные процессы, направленные в сторону верховий реки Камбилеевки, в частности, в местечко, известное как Ангушты. И далее идет ссылка на Вахушти Багратиони, на издание 1904 года. Вахушти здесь не цитируется, но со ссылкой на него делается вывод, что в Ангуштах жили черкесы. Вот у меня есть ксерокопия этого издания. Я несколько раз перечитал его. Там речь идет о территории глгви. Понятно, что все здесь знают о том, что глгви в грузинских источниках — это ингуши. Вахушти конкретно писал, что Ангушты — селение большое, жители его магометане, сунниты, обликом похожие на черкесов. Только отталкиваясь от того, что ингуши похожи на черкесов, — мы все, северокавказцы, похожи друг на друга — в вашей статье делается вывод: неизвестно, когда ушли черкесы и появились ингуши. Тут сразу возникает несколько вопросов. Думаю, вам не надо напоминать, что Вахушти Багратиони после того, как в 1724 году выехал в

Москву, больше на родину не возвращался...

М. Блиев. Он умер возле Астрахани при возвращении на родину.

Т. Муталиев. Да, по до родину он не доехал. И писал свой труд, опираясь на материалы, которые собрал в первой четверти XVIII века. Непонятно, почему в статье пишется о конце XVIII века и почему авторы утверждают, что там жили не ингуши, а черкесы?

М. Блиев. То, о чем пишет Вахушти Багратиони, дополняется еще сведениями, которые приводит Н. Г. Волкова. Вахушти говорит о первой четверти XVIII века. Волкова приводит данные конца XVIII века. Они суммируются и делается вот такое заключение.

Т. Муталиев. Других данных у вас не было?

М. Блиев. Ну, Волкова достаточно добросовестна. Вы почитайте источники, которые приводит Волкова? Правда, не только конец XVIII века, там еще начало XIX века. Это Вахушти, Буцковский, Бутков и другие. В частности, у меня есть записка академика Буткова, которую я никак не опубликую. Она касается как раз Осетии и частично Ингушетии. Этот материал я обнаружил в свое время. Но там есть один существенный для меня недостаток, который мне не дает возможности опубликовать. После того, как я показал эту перепечатку, то мы не сверили с оригиналом. И публиковать этот материал неудобно. На самом деле, это интересно, думаю, он пригодится.

Т. Муталиев. Будем ждать. У меня в связи с этим конкретно к вам возникает ряд вопросов. Я не понял, какие

были основания сомневаться в сообщении Вахушти Багратиони о том, что Ангушты были населены ингушами?

М. Блиев. Тут вот какая вещь. Та же Волкова приводит факты, будто осетины и ингуши, проживающие в Ангуштах, платили дань кабардинскому князю. Полагая, что основанием для выплаты этой дани могла послужить принадлежность этого поселения кабардинскому князю...

Т. Муталиев. А у меня совершенно другое мнение на этот счет. Дело в том, что Волкова, насколько я понял, — а я читал ее очень внимательно, — осторожна в своих выводах. Она все предположения сопровождает оговорками «видимо», «возможно», «на мой взгляд» и так далее. Присутствие осетин в ингушских селах она описывает только в отношении джейраховцев. Там, где речь идет об Ангуштах и о других ингушских селениях Тарской долины XVIII века, а, тем более, XIX века, она осетин не упоминает.

М. Блиев. Традиция смешанного поселения у осетин и ингушей была. Отрицать, что это было невозможно в Ангуштах, наверное, не приходится. Тем более, это приводится в разных источниках.

Т. Муталиев. Я и не собираюсь отрицать. В этом вижу добрый пример прошлого. Это имеет отношение к Джейраху и к ингушскому селению Заур-Юрт и только.

М. Блиев. А вам знакома карта 1830 года, составленная генералом Хазовым накануне экспедиции сначала в Ингушетию, а затем в Северную Осетию?

Т. Муталиев. Есть она у меня, я могу вам ее показать.

М. Блиев. Вообще-то есть несколько видов карт. Карты военных топографов, геологов, путешественников. Вот эта военная топографическая карта наиболее точно отражает местность, о которой мы говорим. Джейрахского ущелья, например.

Т. Муталиев. И что?

М. Блиев. Да ничего. Я о том, что в ней хорошо отражено смешанное население в Джейрахском ущелье. Это мы видим в названии населенных пунктов.

Т. Муталиев. Понятно, но вы меня все-таки не убедили.

М. Блиев. Я и не думаю убеждать.

Т. Муталиев. Я не для того, чтобы заострить беседу, просто констатирую факт. Остаюсь уверенным в том, что Вахушти Багратиони отразил то, что он видел. Кроме того, в работе Волковой, когда речь идет об Ангуштах, осетины не упоминаются, так как границы соприкосновения двух наших этносов были расположены несколько подалеже. В вашей же статье вывод однозначный: здесь жили черкесы, а ингуши не присутствовали. Вы пишете, что в конце XVII века Ангушты, после ухода черкесов, заселились переселенцами из Джейрахского ущелья, которые, со ссылкой на Волкову, в вашей статье проходят как осетины, а не ингуши.

Ваш двухтомник документов «Русско-осетинские отношения в XVIII веке», сборники материалов по истории Северной Осетии, которые издавались в 1933 и 1942 годах, содержат массу документов об ингушских селениях Тарской долины 50-х, 60-х, 70-х годов XVIII века. Помимо обилия собранного материала по истории осетинско-

го народа, у вас есть множество упоминаний ингушских селений, не только Ангуштов и Ахки-Юрта в документах вашего сборника они группируются под названием Большие и Малые ингуши. Понятно, что Ангушты — центр Больших ингушей, возникший задолго до конца XVIII века. Вы сами издавали документы, комментировали их. Тогда у вас не возникало никаких сомнений в том, какое население там проживало, то есть в ваших публикациях называются чисто ингушские села.

Появляется статья в газете, рассчитанная на массового неподготовленного читателя, и тут уже принадлежность этих селений ингушам с конца XVII—начала XVIII веков ставится под сомнение. Не вам объяснять, что именно эти селения в период с 1859 по 1867 год после изгнания оттуда ингушей стали станциями. Мы вернемся к этой теме, я вам процитирую подлинные документы об этих событиях.

М. Блев. Выселение ингушей происходило несколько раньше, чем в 59—67 годы. Оно началось в 1852 году.

Т. Муталиев. Нет. Я вам покажу документы. Это другие селения, Марк Максимович. Это селения, которые расположены между Терекон и Камбилеевкой, там, где ниже Владикавказа река совершает левый поворот. Я же имею в виду Ангушты (нынешнее Тарское), Ахки-Юрт (Сунжа).

М. Блев. Да, это позднее.

Т. Муталиев. Да, но по вашей статье получается, что ингуши на этой территории не присутствовали.

М. Блев. Как я вас понимаю, вы считаете, что не было смешанного населения?

Т. Муталиев. В Ангуштах?

М. Блев. Да.

Т. Муталиев. Таких данных у Волковой нет. Тем более, нет их и в том источнике, на котором построена ваша статья: я имею в виду Вахушти Багратиони.

М. Блев. С моей точки зрения, есть у Волковой такие данные.

Т. Муталиев. Есть, но по Джейраху.

М. Блев. И по Ангуштам тоже.

Т. Муталиев. Нет. Миграция ингушей шла таким образом: в Заурово мигрировали фяп-пинцы по реке Армхи и часть джейрахонцев. По Камбилеевке — в Ангушты (Тарское) — самое древнее известное по документам ингушское селение — галгаевцы. Искажение этих общезвестных фактов нас, ингушей, очень ранит.

М. Блев. Это частное направление миграции. А общее направление миграции чеченского этноса вы не видите?

Т. Муталиев. Чеченского этноса? Но мы сейчас говорим об ингушах.

М. Блев. Я имею в виду вайнахский этнос.

Т. Муталиев. Вы имеете в виду на плоскость?

М. Блев. Нет, в горах.

Т. Муталиев. На этот счет есть упоминание у археолога Л. П. Семенова о том, что где-то в конце XVII века и первой половине XVIII века ингуши были потеснены осетинами из Сонибамского ущелья, и он делает ссылки на тех стариков, с которыми имел контакт. Указывает, — и это очень важно — что эти сведения подтверждаются как осетинскими, так и ингушскими информаторами. Есть такое упоминание.

М. Блев. Все-таки процесс миграции шел на восток.

Т. Муталиев. Часть вайнахов, в частности, ингуши, действительно, мигрировали из Сонибамского ущелья в Джейрахское. Мы не знаем, по каким причинам. И потом: сложности этих взаимоотношений можно проследить по Штедеру. Получилось так, что во времена Штедера, в 1781 году в Балте жили осетины. Но они платили подати ингушам за то, что выпасали там скот.

М. Бляев. У вас есть документы на этот счет?

Т. Муталиев. Это Штедер пишет. Я вам могу показать. Получается таким образом, что наиболее древние—ингушские селения, существование которых вами игнорируется...

М. Бляев. Слово «древние» здесь не подходит.

Т. Муталиев. Я имею в виду то, что подтверждается документально. Это все селения ингушей. А они все (плоскостные) появились именно в Тарской долине. По побережью Камбилеевки, Сунжи и правому берегу Терека. Самый западный форпост был Ангушты и Заур - Юрт. Думаю, вы неопубликованный документ 1756 г. знаете. Можно посмотреть Гюльденштедта. Он перечисляет названия 24 ингушских селений по берегам этих рек. Это 1770—71 годы. Кстати, я согласен с вашей оценкой военно-топографической службы русской армии. По-моему, в Европе с ней считались. Так вот, Штедер был, по сути дела, военный разведчик. Он побывал здесь в 1781 году. А в 1783 русская армия стала строить Военно-Грузинскую дорогу. В 1784 году заложена крепость Владикавказ. И он составил очень обширную карту, которая хранится в военно-историческом архиве.

М. Бляев. Штедер?

Т. Муталиев. Да, Штедер. У меня есть фрагмент этой карты. Вот она. По этой карте у Штедера получается...

М. Бляев. Простите, можно посмотреть?

Т. Муталиев. Да, пожалуйста. По Штедеру получается: вот, Терек, вот Камбилеевка, вот Сунжа. Здесь Грузия. Чуть выше, по левобережью Терека, в горах находятся осетинские селения. Смотрите: надпись «Осетия» заканчивается, не доходя до левого берега Терека. На плоскости осетинские селения не обозначены. По правому берегу надпись «кисты или ингуши». Ниже на плоскости Заурово. Рядом, справа, надпись «Ингушевский уезд Шалха» и в окрестностях девять обозначений ингушских населенных пунктов, которые упоминаются и в вашем двухтомнике. Видимо, масштаб карты не позволил нанести названия всех населенных пунктов. Вот река Назрань. Поселения еще такого не было. Но тот же Штедер пишет, что хозяйственное освоение ингушами плоскости, прилегающей к современной Назрани, уже было осуществлено. Здесь в 1781 году находились их охранные посты, здесь ингуши запасали корм для скота.

М. Бляев. Откуда эта карта?

Т. Муталиев. Я вам дам данные: военно-исторический архив, фонд ВУА, д. 25675.

М. Бляев. Но в военно-историческом архиве, насколько мне известно, документы только XIX века.

Т. Муталиев. Там во всех справочниках указан фонд Потемкина-Таврического, 52-й фонд. Имеются документы по Заур-Юрту. Я убедил вас, отталкиваясь от публикации, в том, что переселение происходило?

М. Блиев. Вы убедили в том, что в XVIII веке переселение ингушей происходило на самом деле. Это факт. И никто его не отрицает.

Т. Муталиев. В вашей статье это отрицается.

М. Блиев. Что на равнине были ингушские поселения?

Т. Муталиев. Да. На территории современного Пригородного района... Давайте посмотрим.

М. Блиев. Не надо. Более того, эти поселения были до их переселения к Назрани для создания ингушам компактных мест проживания. *

Т. Муталиев. А вот я доберусь до этого. Посмотрим, какой вывод вы делаете во второй части статьи, рассмотрев вопросы освоения ингушами всей плоскости: «Из приведенных исторических данных видно, что земли нынешнего Пригородного района (Правобережной его части) с древнейших времен и до XIV—XV веков (кстати, в вашей статье в первой части сказано о XIII веке. Ну, это технические погрешности) принадлежали аланам. После разгрома алан татаро-монголами они стали местом обитания кочевых адыгских (кабардинских) и ногайских племен»... Хотя нет ни одного известного указания, что именно в Ангуштах когда-то были кабардинские племена. Ниже чуть-чуть — да.

М. Блиев. Там не чуть-чуть же. Строго определять границы для тех условий — это очень сложно.

Т. Муталиев. Но у вас в статье-то есть: «неизвестно, когда ушли кабардинцы, черкесы...»

М. Блиев. Сфера влияния кабардинских князей простиралась вплоть до предгорья.

Т. Муталиев. Это другой вопрос. Если бы вы сказали так,

у меня бы этот вопрос не возникал. Далее Шолоховых кабаков кабардинских поселений не было в Тарской долине, так ведь? Ни в одних картах, ни в одном документе нет других данных.

М. Блиев. Во всяком случае, ни ингушам, ни осетинам выхода на эту территорию не было в силу того, что здесь распространялось влияние кабардинских князей.

Т. Муталиев. Согласен с вами. Но исторически так сложилось, что ингуши на плоскость вообще в целом выселились несколько раньше, чем осетины. В то время, когда ингуши много десятилетий жили на плоскости, осетинских поселений там не было. В документах это зафиксировано.

М. Блиев. Каким образом?

Т. Муталиев. Я сейчас объясню.

Р. Бзаров. Вообще или в принципе?

Т. Муталиев. И вообще, и в принципе.

Р. Бзаров. Вообще и в принципе я так не думаю. Я думаю, что вы не правы.

Т. Муталиев. А я сейчас скажу. Поселений осетин на плоскости в конце XVIII века не было, за исключением Дигории. Здесь у меня нет никаких возражений.

М. Блиев. Тамерлан, у меня есть предложение. Вы, наверное, заметили, что мной действительно опубликованы документы, общие для истории Осетии и Ингушетии. У вас тоже, наверное, накопилось что-то. Как вы смотрите на то, чтобы мы с вами подготовили публикацию документов, в том числе и карты с легендами? Тому могли бы обсудить. Я думаю, что очень интересной была бы первая треть XIX века, связанная с событиями, общими для

нас, скажем, с карательными экспедициями.

Т. Муталиев. Это лестное предложение. Я с удовольствием буду в такой работе участвовать, если мы определимся в принципах, если в дальнейшем при нашем возможном сотрудничестве между нами не будут стоять вопросы, которые сегодня имеются.

М. Блиев. Вы ответили так, как отвечают японцы Советскому Союзу: если вы нам уступите такие-то острова, мы с вами будем иметь экономические отношения. Это я не принимаю.

Т. Муталиев. Я был предельно откровенен. Может быть, это вас и покорило. Но это вопрос, имеющий уже общественное значение. Вы предлагаете хорошее дело. Конечно, надо в нем участвовать. Я постараюсь оказать посильную помощь.

М. Блиев. Не посильную помощь. Я предлагаю вам соавторство.

Т. Муталиев. Тем более соавторство.

М. Блиев. Для того, чтобы это соавторство состоялось, у нас будет с вами возможность все это выяснить. Если же вы сейчас хотите в чем-то обвинить меня, прошу кратко сформулировать свою оценку.

Т. Муталиев. Хорошо, я так и сделаю. Я этот абзац не дочитал. Вывод о территориальном расселении вы заканчиваете утверждением о том, что после разгрома алан здесь стали господствовать татары монголы, ногайские племена. И дальше: «с включением Северного Кавказа в сферу влияния России, а затем его вхождения в состав Российского государства эти земли были заселены казаками и к 1917 — 1918 годам являлись собствен-

ностью терского казачьего войска». Здесь и заканчивается дореволюционная часть вашей статьи.

М. Блиев. Я хочу сказать, что в схематичном изложении событий от татаро-монгольского ига до XX века в одной фразе, согласитесь, сконцентрировать все, что я думаю, невозможно. Если бы я воссоздал события, там были бы ингуши, была бы более реальная картина. А схематично так получилось.

Т. Муталиев. Нет, Марк Максимович, тут не схематичность.

М. Блиев. Вы разве отрицаете, что эта территория оказалась у казаков?

Т. Муталиев. Нет, не отрицаю. Я подготовил краткую историческую справку, как оказались здесь казаки. Кстати, вы рассуждали о геноциде. Так вот, в 1845 году командиром первого Сунженского казачьего полка назначили молодого майора Слепцова. Он издал приказ, если хотите, покажу его. Смысл его в том, что чеченцы и ингуши недостойны пользоваться благами этой земли. Их надо уничтожать дено и ночью. Это Слепцов конкретно и делал.

Чуть позже командующий русскими войсками на Кавказе и военный министр в своей переписке в 1858 году, т. е. за год до окончания Кавказской войны, указывают, что необходимо, чтобы обезопасить от хищников — непокорных племен Чечни и Ингушетии — на всей территории Малой Чечни продолжить казачью линию по двум направлениям: через Тарское ущелье выйти на нынешний Алкун, Мужичи, Даттых. Через сеть этих станций выйти на Нестеровскую и сомкнуть существовавшую с

1845 года сунженскую укрепленную линию. То есть, отрезать Чечню от Ингушетии полностью. Создать цепь станиц для того, чтобы притерченных чеченцев отделить от предгорных, не дать возможность горным ингушам общаться со своими плоскостными сородичами. Этим я хочу подтвердить мысль Магомеда Музаева, что подобная политика, направленная на уничтожение и выраженная в таких формах, похожа на геноцид.

Но не это важно. Важно другое. Дело в том, что у десятков тысяч читателей Северной Осетии, и в том числе и у ингушей, живущих в этой республике, после этой статьи сложилось несколько превратное мнение об истории. Ингушей это больно резануло по сердцу, потому что нас не баловала жизнь. Я часто думаю, откуда к моему народу такой интерес к своему прошлому. Теперь понял, что тяжелая жизнь, тяжелая судьба нас заставляла ею интересоваться. Поэтому у нас даже неспециалисты хотя бы в общих чертах знают свою историю. И знают по рассказам своих стариков. И в Осетии, наверное, такая традиция есть: чтобы малолетние заучивали имена хотя бы семерых своих предков. Следовательно, они знают, где, когда жили их деды и прадеды.

По этой же публикации получается, что ингуши воровским образом в 1920 году, воспользовавшись необъяснимыми симпатиями Серго Орджоникидзе, сумели отнять эти станицы у казаков. Вот у меня документы...

М. Блиев. Тамерлан, прощу прощения. Если мы будем углубляться в это обсуждение, то мы окончательно с вами разойдёмся.

Еще до Слепцова эту идею более глобально проводил Ермолов, приступивший еще в 1818 году к военно-экономической блокаде всего Северо-Восточного Кавказа. Это все-таки геноцид. Это более масштабное предприятие, чем то, о котором вы говорили.

Т. Муталиев. Марк Максимович, вы еще не знаете послужной список этого «полководца» Кавказской войны (именется в виду Слепцов — ред.), который вместе с генералом, тогда еще полковником Нестеровым, занимались форменной охотой на чеченцев и ингушей. Вот у меня выписка из послужного списка Слепцова.

М. Блиев. Но я его никак не могу сравнить с Ермоловым, так как он был на несколько голов выше. Ермолов преследовал какую цель? С точки зрения европейца, он был убежден, что поступает правильно. Логика его действия заключалась в том, что русское правительство предоставило чеченцам, жившим в горах, возможность переселиться на равнину. Но поскольку чеченцы стали на равнинах совершать набеги, то русское правительство вправе вернуть беспокойных чеченцев вновь в горы. Это с его точки зрения. Известно, к каким последствиям привела военно-экономическая блокада, которую он установил на Северо-Восточном Кавказе, включая и Дагестан. Я хочу вам напомнить об этом. Дело в том, что ингуши, как и осетины, благодаря все-таки русскому правительству получили возможность переселиться с гор на равнину. До распространения влияния России ни осетины, ни чеченцы, ни ингуши не имели возможности выходить на равнину. Это факт. На равнине в 40-е го-

ды ингуши стали совершать такие набеги. Например, на Владикавказ.

Т. Муталиев. Ингуши — на Владикавказ? Пожалуйста, конкретней.

М. Блев. Тут можно привести массу документов.

М. Музаев. Осетины совершали набеги. Русские власти даже обращались за помощью к ингушам.

М. Блев. Да, действительно, ингуши привлекались тем же Ермоловым. Он почти сформировал отряд, который использовал против Бейбулата Таймиева. Помните?

М. Музаев. Еще в XVIII веке комендант города использовал ингушские команды для отражения набегов осетин на Владикавказ. Вы же не должны вырывать факты односторонне, вспоминать, как нападали ингуши, и замалчивать другие факты.

М. Блев. Тот же Ахмед Дударов, который перекрывал Военно - Грузинскую дорогу. После присоединения Грузии к России эта дорога имела большое значение. В отряде Ахмеда Дударова было 200 ингушей, которым он платил по 10 рублей серебром. Они не только совершали набеги, но и перекрывали дороги. Поэтому такие, как Слепцов, считали, что эти народы, в том числе ингуши и осетины, недостойны жить. Они полагали, что ингуши и осетины получили земли на равнине благодаря российскому правительству.

Т. Муталиев. Мы уходим в сторону.

М. Блев. Если вы хотите, чтобы мы друг друга понимали, есть только один путь — совместное творчество.

Т. Муталиев. А что делать с этим?(показывает на статью «Северная Осетия: на пере-

крестке эпох»). С другими публикациями в вашей газете?

М. Блев. А что делать с тем, что так называемый 100-тысячный назрановский митинг принял решение о лишении Блеива, Кучиева всех степеней и званий? Это было опубликовано в «Ингушском слове». Малгобекская городская газета называла меня фальсификатором истории.

М. Музаев. Речь идет о фальсификации документов. Если в документах говорится, что в Ангуштах жили глигвы, похожие на черкесов, как можно писать, что там жили черкесы, а ингуши не жили, когда глигвы — это ингуши. Извращать исторические документы нельзя, вот о чем речь идет.

М. Блев. Я понимаю, о чем речь идет. Думаю, повторить это все не надо. Если мы хотим поссориться...

Т. Муталиев. Ни один большой вопрос, который хотел поднять, вы не даете договорить, уводите разговор в сторону. Я уверяю вас, у меня нет желания кого-то оскорбить. Поскольку мы собирались вести научную дискуссию, я старался держаться в рамках этой дискуссии, я привел одну фразу из статьи справки, итоговую, из которой вытекает, что на ранее освоенной ингушами территории, территории, о которой ингуши и осетины сегодня только и говорят, по-вашему получается, ингушей на ней не было. Что они действительно воровским способом воспользовались не только казачьей землей, но и казачьим добром. Создается образ народа - человека-коневладельца, для которого нет моральных норм. Хотели вы этого или нет, но ваша статья приводит именно к таким выводам. Более того, я не случайно говорю о той

практике, которую использовал Слепцов, создавая Сунженскую линию, потому что в более гипертрофированном виде она чуть позже была проведена в нынешнем Пригородном районе.

М. Блиев. Те же самые методы русской администрацией использовались и на территории Северной Осетии. Переселялись осетинские села, создавались форпосты.

Т. Муталиев. Вы имеете в виду станицы, которые создавались с 1839 года?

М. Блиев. Да.

Т. Муталиев. Сколько здесь прожили осетины и каким образом осуществлялось переселение?

М. Блиев. Что-то по 10 лет. Где-то больше, где-то меньше.

Т. Муталиев. От двух до десяти лет, не более. Освоение этой части плоскостной территории ингушами и осетинами несколько отличается. Дело в том, что к моменту прихода сюда русских войск ингушские села имели 150 и более лет писаной истории. С конца XVII века, как минимум.

М. Блиев. У вас есть материалы, подтверждающие это?

Т. Муталиев. Да, у нас с собой есть конкретные документы, начиная с 1756 года. Штедер, побывавший в этих местах в 1781 году, пишет, что ингуши переселились сюда 40—50 лет назад. Те документы, которые опубликованы в Осетии (к сожалению, у нас не публиковались), подтверждают правоту информаторов Штедера. Здесь самостоятельные источники подкрепляют информацию об ингушском происхождении этих селений. Возьмем опять-таки Заур-Юрт. Есть самый первый документ за 1756 год, которым я располагаю. Я имею в виду миссионе-

ров осетинской духовной комиссии, которые 15 июля 1756 года попали на собрание ингушей выше Заурова, на правом берегу Терека. Этот документ перечисляет имена трех старшин ингушского селения Заурово. И в их числе Гета Татарханов. Этот же Гета в 1781 году в Заурово встречает Штедера, он является даже родственником проводника Штедера, т. е. упоминается один и тот же старшина, правда, постаревший на 25 лет. И тот, и этот документ однозначно называют Заурово ингушским селением. Сколько копий сломано в научных работах Северной Осетии на истории Заурова! А история Заурово проливает свет на то, что ингуши и осетины в XVIII веке умели ладить между собой, могли жить хорошо. Может быть, вы знаете документ по фонду Потемкина-Таврического?

Моздокский комендант в 1785 году сообщает по начальству о том, что «вышедший из Ингушевского уезда Заурово осетинец Шао Мелинчов с женой и тремя детьми» просит разрешить ему поселиться в Моздоке.

Вы утверждаете, что Штедер и Клапрот пишут, что осетинская часть Заурово составляет большинство. У Штедера ни слова об этом.

Р. Бзаров. Штедер пишет об этом. Кто переводил?

Т. Муталиев. Зачем перевод? Вот у меня подлинник лежит. Я внимательно эту вещь просмотрел.

Р. Бзаров. Это тот самый кусочек, где говорится, как Штедер со своим проводником Сейку прибыл в Заурово...

Т. Муталиев. Это на странице 45, убедитесь. Но об осетинах там ни слова.

Р. Бзаров. Я прошу прощения, на всем протяжении разговора, знаете, о чем думал? О том, что, говоря правильные вещи, опираясь на подлинные документы... нашей целью что должно быть?

Т. Муталиев. Наша цель, как я понимаю, это исключение возможности обострения отношений между ингушами и осетинами. Появление таких статей — самый верный путь столкнуть их. И вы в своей республике сделали еще один шаг к этому на чрезвычайной сессии Верховного Совета СОАССР.

Р. Бзаров. На правах младшего я скажу вот что. Что касается этой справки, то называть ее статьей я бы не стал. Это понятно: это вещь, которая редактировалась.

М. Музаев. У нас есть сама справка, без редакторской правки.

Р. Бзаров. Я не имею отношения к этой справке. У меня есть основания больше о ней не говорить. Что касается того, кто первый поселится на плоскости, ингуши или осетины, есть ли смысл это обсуждать?

Т. Муталиев. Как же нет, если вы начисто присутствие там ингушей отвергаете.

Р. Бзаров. Кто это «вы»? Я не автор этой справки.

Т. Муталиев. Я не говорю: «вы — Бзаров», я говорю: «группа авторов».

Р. Бзаров. Вы не можете сказать: «Вы, историки Северной Осетии», потому что я так не считаю.

Т. Муталиев. Ну, хорошо. Некоторые историки.

Р. Бзаров. Ну, так уже лучше.

Т. Муталиев. Вы не даете договорить.

Р. Бзаров. Мне тоже не дали.

М. Музаев. Если бы вы возразили печатно, то знали бы, что вы лично не причастны.

Р. Бзаров. Вы тоже не возражаете на те публикации, которые имеются в ингушской прессе. Наша общая цель — исключить дальнейшее развитие напряжения. У меня такой вопрос: а нельзя нам от справки перейти к истории?

М. Муталиев. Вы утверждаете, что это не история?

Р. Бзаров. Мы обсуждаем справку...

А. Вацуев. Если авторы признают это, мы можем перейти к обсуждению любого другого вопроса...

Р. Бзаров. Передо мной чистый лист бумаги, который лежал, когда я вошел сюда, потому что я пришел говорить не о справке, не о том, что написано, а о том, что нужно делать.

Т. Муталиев. Вы мне дадите высказаться? Мы отклоняемся от тех проблем, которые были очерчены в начале встречи. Я в эти частности влез потому, что этих частей в статье-справке очень и очень много, и на основе их делаются выводы, которые я зачитал. Ситуация же рисуется совсем иная. Во-первых, только я обозначил одну тему, вы меня вопросами от нее увели. Я имел в виду вот что: к приходу русских войск на этой территории ингушские поселения существовали уже давным-давно.

Что касается дальнейшей истории взаимоотношений ингушей и осетин, чеченцев и других кавказских народов, то тут действительно часть плоскостей территории, ныне занимаемой ингушами — точно так же, как и осетинами, — была освободена с благоволения русской администрации. И это

обстоятельство (его подчеркивают все учебники, все пособия, сводные труды) еще в середине XIX века якобы дало право российской администрации утверждать, что чеченцы и ингуши обязаны царизму тем, что жили не только на плоскостной территории, но и в нагорной части Чечено-Ингушетии... Это была явная колонизаторская политика. И сегодня в этой статье просматривается какое-то повторение этих же мотивов, говорится о том, что благодаря только российской администрации ингуши, в частности, получили возможность поселиться на плоскостной территории. Далее, такие грубейшие неточности. Вот здесь указывается, что в 40-х годах...

М. Блев. Вы отрицаете, что Россия действительно предоставила возможность поселиться ингушам на плоскости?

Т. Муталиев. Я не отрицаю это. Я же только что сказал, что да, действительно, ингуши часть плоскостной территории, которую они ныне занимают (речь идет о нынешнем Назрановском районе), освоили с благоволения России.

М. Блев. А зачем же, в таком случае, ингуши принимают христианство в XIX веке?

Т. Муталиев. По разным мотивам. Насколько я понимаю, в том числе и чисто шкурным — и в осетинских, и в ингушских селениях. Даже в фольклоре сохранились следы высмешивания тех, кто по пять-шесть раз крестился, чтобы получить новые рубашки. Принимали христианство вначале для того, чтобы утвердиться здесь. Ведь все документы конца XVIII и начала XIX веков по истории Ингушетии перенасыщены кровавыми

столкновениями с кабардинскими феодалами.

М. Блев. На какой почве?

Т. Муталиев. На той, что ингуши отказывались им платить подати.

М. Блев. А основания у кабардинских князей какие были?

Т. Муталиев. Те же самые, что вы говорили только что. Это очевидные вещи, кто по этим вопросам спорит?

М. Блев. В том-то и дело, что как раз эта территория находилась в сфере влияния кабардинцев. Россия предоставила возможность осетинам, ингушам поселиться здесь.

Т. Муталиев. Я с этим не спору. Я только говорю о том, что ингуши до того, как попали в сферу влияния русских военных властей, здесь жили.

Р. Бзаров. Иногда даже совместно с осетинами.

Т. Муталиев. Разумеется. Я приводил уже примеры.

М. Музаев. Только надо четко знать: осетины-беглецы и другие приходили в ингушские села на правобережье Терека.

Р. Бзаров. Это не так...

М. Музаев. Хорошо. Скажите тогда, кем были осетины в ингушском Заур-Юрте?

Р. Бзаров. Беглецами...

Т. Муталиев. Дайте мне сказать. Мы придаем нашей беседе боковые дуэла.

М. Блев. Очень неудобно перебивать, но мне давно надо было уходить.

Т. Муталиев. Мы тоже бросили важные дела. Я заканчиваю. В итоге что получается? В 40-х годах, в конце 50-х, начале 60-х годов XIX века ингушей изгоняют из их селений. Вот подлинные документы, подтверждающие это. Чтобы на месте ингушских селений водворить станицы, их окопали рвом, окружили частоколом с бойницами. За полтора месяца быв-

ные ингушские селения были подготовлены к обороне, и поселили здесь переселенцев из Воронежской губернии, солдат, донских казаков и так далее. То есть, эта история ингушей писалась кровью. Здесь же, в вашей статье, получается, что только в 40-х годах ингуши появились в районе Назрани. Хотя за 30-е годы XIX века только по Сунже и Камблицевке в их среднем и нижнем течениях было более 30 ингушских населенных пунктов. Оставим и это. В статье даже есть намек, что ингуши стремились поселиться ближе к Владикавказу. Хотя на самом деле они там жили давно. И это оставим. Но меня убивает вот такой вывод статьи: «Поступая так, (уничтожая ингушские селения — ред.), русское правительство, кроме всего прочего, добивалось того, чтобы на равнине, в районе Назрани, осуществить меры по компактному расселению ингушей». Зная подлинную историю подвижек, передвижек ингушского населения, как можно воспринимать этот циничный пассаж?

И далее, вы говорите, что у вас мало было времени, и сложные вопросы вы вынуждены были освещать тезисно. Тогда непонятно, почему совершенно неприципиальному вопросу — факту временного размещения управления Назрановского округа во Владикавказе с 1909 года по 1917 год — ваша статья-справка и вообще газета «Социалистическая Осетия» уделила колоссально много места. После выступления Б. Богатырева появилась статья историка Глушкова, где он рассказывает, как допрашивает бедную студентку вопросом: знает ли она, что во Владикавказе управление Назрановского округа находилось временно. И в

вашей статье на этом факте была построена политика. Факт временного размещения в вашей статье подается как пример гостеприимства, доброго отношения осетинского народа к ингушскому. Но ведь это же нонсенс. С каких пор в дореволюционное время Владикавказ был и мог быть столицей несуществовавшей осетинской области? Владикавказ был центром Терской области. Он был центром административного управления не только осетин, но и ингушей, других горцев. Вы отлично знаете, что с момента образования Владикавказ ингуши даже раньше, чем осетины, попали под сферу управления коменданта города.

Р. Бзаров. То есть, как это раньше?

Т. Муталиев. Я вам сейчас скажу. Я не могу сказать, в 1806 или 1805, или в 1803 году появилась здесь осетинская слободка, но знаю точно, что не ранее сентября 1803 года.

М. Бланев. С августа 1803 года русское командование приступило к строительству Владикавказской крепости. Хотя она была восстановлена формально в 1794 году, но на самом деле правительство приступило к строительству в 1803 году.

Т. Муталиев. Я не отрицаю. В «Актах Кавказской археографической комиссии» опубликован тот документ, о котором вы говорите. Через одну страницу там же есть указание, что сюда прибыли саперы, мушкетеры, строители, и сказано, что для защиты от чеченцев, ингушей и кабардинцев разрешается поселиться осетинам. Ну, это частности. На это не надо было бы даже тратить время, если бы ваша газета такие вещи не давала. Но дело в том, что вся история ингушей протекала во-

круг Владикавказа. К моменту революции, к моменту выселения в 1944 году ингушские селения окружали этот город с трех сторон. Получается, что молодежи, вообще людям, не знающим истории, навязывается мнение, будто бы благодаря только тому, что в 1909 году ингушей «пустили» во Владикавказ, у них появилось основание претендовать на этот город как на столицу Ингушской автономной области в 1924 году, когда распалась Горская республика. Но это же далеко от истины. Сначала при владикавказском коменданте, потом четыре года в составе Военно-Осетинского округа, ингуши и осетины совместно входили в сферу одного и того же административного управления. Потом выделился...

Р. Бзаров. Сначала входили в сферу управления начальника Владикавказского округа, затем — начальника Осетинского округа. Но туда уже ингуши вошли...

Т. Муталиев. Минутку. С 1858 по 1862 год Военно-Осетинский округ, начальником которого был Кундухов. Туда четыре года входили ингуши...

Р. Бзаров. В течение четырех месяцев был Кундухов.

Т. Муталиев. Четыре года...

Р. Бзаров. Кундухов был четыре месяца.

Т. Муталиев. Ну ладно, был и Кундухов. Затем из его состава выделяется Военно-Ингушский округ, прсуществовавший до 1870 года. Затем Ингушский округ опять входит во Владикавказский военный округ...

Р. Бзаров. После того, как округ Осетинский был преобразован во Владикавказский округ...

Т. Муталиев. Да, входят в один округ. Центр управления ингушей опять Владикавказ...

Р. Бзаров. А потом разделяются.

Т. Муталиев. Ну что вы мне не даёте говорить. Я согласен с вами.

Р. Бзаров. Да о чем говорить, когда всё ясно?

Т. Муталиев. Да? Вы писали эту справку?

Р. Бзаров. Нет.

Т. Муталиев. В таком случае, у меня нет к вам претензий. Я говорю с автором этой статьи-справки.

Р. Бзаров. Вы говорите «вы». Поскольку мы сидим друг против друга, мы же говорим...

Т. Муталиев. Я не понял. Вам что, выдержка изменяет? Я говорю вещи, далекие от истины, что ли?

Р. Бзаров. Мне просто интересно, для чего это вы говорите?

Т. Муталиев. Я хочу понять, как можно, основываясь на одном факте, утверждать такую мысль, что осетины были наказаны за свое гостеприимство и радушие. Ингуши якобы воспользовались гостеприимством и радушием осетин и стали потом претендовать на город Владикавказ.

М. Блиев. Вы отрицаете наличие таких документов?

Т. Муталиев. Нет. Более того, я сам знаю этот документ. Но я протестую против того, чтобы этот документ подавался вне исторического контекста. Это самый успешный путь, чтобы ввести народ в заблуждение.

М. Блиев. Но любой документ он всегда, так сказать, в контексте истории.

Т. Муталиев. Правильно. Уходит он и в прошлое и связан с тем будущим, которое следует за ним.

М. Блиев. Отсюда следует, что притязания на Владикавказ — продолжу вашу мысль — сегодня исторически обоснованы?

Т. Муталиев. Вы что, за меня делаете этот вывод? Я говорю только об этой статье. Если надо, пожалуйста, можно поговорить потом и на эту тему. Я говорю о том, к какому выводу статья в «Социалистической Осетии» подводит читателя. Факт размещения Назрановского округа во Владикавказе никак не может быть проявлением гостеприимства и радушия осетин в отношении ингушей. С этим вы согласны?

М. Блиев. Ну, это просто эмоции. В данном случае я имею в виду статью. Я с вами согласен. Историк не должен писать так. Это традиции той эпохи, которую принято называть застойной. Но сам факт, сам документ о том, что русское правительство пребывание Назрановского округа во Владикавказе рассматривало как временное, вы не отрицаете?

Т. Муталиев. Зачем столько внимания этому вопросу? А вы отрицаете тот факт, что когда Государственная дума принимала решение о временном размещении во Владикавказе окружного Назрановского управления, резиденция его Горского участка оставалась в этом городе постоянно?

М. Блиев. Временно.

Т. Муталиев. Не временно. При всех административных изменениях, происходивших с 1858 года в нашем крае, резиденция Горского участка Назрановского округа всегда находилась в этом городе. Даже «Терские календари» подтверждают это.

М. Блиев. С моей точки зрения, все-таки важнейшим моментом для нас, осетин и ингу-

чему же сегодня в центре решения вопросов истории оказались территориальные проблемы? Они всегда стоят остро и перед осетинами, и перед ингушами. И решать их наши народы всегда пытались прежде всего с помощью России. Я так понимаю. И осетины принимали христианство не потому, что их не удовлетворяло язычество, а потому, что христианство давало возможность быть ближе к России и получить территорию.

Т. Муталиев. По этим вопросам согласен с вашими работами. В развитии же русско-ингушских отношений ингушская сторона была заинтересована не для того, чтобы выселиться на плоскость, а для того, чтобы закрепиться на ней, так как до прихода русских войск равнинные земли Тарской долины были ими уже освоены.

М. Блиев. Обратили вы внимание, что восточная Осетия, примыкающая к Ингушетии, и западная фактически подписали акт о подданстве российскому правительству. Это было в 1770 году.

Т. Муталиев. Есть такой документ.

М. Блиев. А вы как к нему относитесь?

Т. Муталиев. Вполне нормально, понимая, что это было вызвано жизненными проблемами. Но это имеет локальное значение для истории нашего народа.

М. Блиев. Это разве не связано с территориальными проблемами?

Т. Муталиев. Связано. В этой части у меня вопросов нет, я с этим согласен. Тем более, что вы только что сказали, что граница между осетинами и ингушами проходила по Тереку.

М. Блиев. В горах.

Т. Муталиев. Почему в горах? И на плоскости. До его

среднего течения. Если речь идет о территории, расположенной между Терекон и Камбилевкой, тут уже другой вопрос, она впоследствии была заселена череполосно. Затем, в начале 50-х годов XIX века, ингушей оттуда действительно изгнали. Причиной послужило то, что воинскими частям не хватало земли (в частности, по этой причине было выселено селение Темурково).

М. Блиев. Вы изложили факты, связанные с расселением ингушей, с территориальными традициями, и получается так, что почему-то Россия постоянно создает тяжелые условия для ингушей, предвзято к ним относится, а вот осетинам удалось найти общий язык с Россией.

Т. Муталиев. Ничего похожего я не говорил. Мы отвлекаемся на частности. Меня интересовало вот что: о том, что написанное в вашей статье и справке не соответствует действительности, авторы не могли не знать. И наша беседа не разубедила меня в этом ни на йоту. Мои предположения, предположения моих товарищей оправдались сегодня. Потому что такие квалифицированные люди не могли давать вещи, далекие от истины. Вы говорили, что это частности. Возможно. Но это такие частности, которые создают сегодня массу проблем. Скажем, частности, которые неверно изложены таким подготовленным человеком, как доктор исторических наук Кузнецов. Вот передо мной часть его выступления на чрезвычайной сессии Верховного Совета СОАССР. Народный депутат РСФСР, историк с колоссальным опытом выходит на трибуну, зная, какая ситуация может возникнуть, со ссылкой на Волкову говорит, что в

1809—1811 годах ингушское население, проживавшее под Владикавказом передвинулось в район Назрани. Но ведь в том институте, в котором Кузнецов работает заместителем директора, лежит второй том сборника «Материалы по истории Северной Осетии». Уверен, что он знаком с ним. Кузнецов делает вывод, что ингуши очень короткое время жили около Владикавказа и в Пригородном районе. Ссылка на Волкову послужила ему основанием для следующего заявления. Есть ингушская проблема? Есть. Но решать ее надо в Чечено-Ингушетии. Определитесь, товарищи ингуши, в своих границах с чеченцами, — говорит народный депутат РСФСР на чрезвычайной сессии. И дальше он утверждает: причина возникновения ингушской проблемы — экономическая. По Кузнецову получается, что ингушские районы в экономическом и социальном отношении получают меньше, чем чеченские, и потому они отстали.

Р. Бзаров. А как на самом деле?

Т. Муталиев. Дело обстоит так, что и чеченские, и ингушские районы, вся республика находится в РСФСР на 73 месте по многим позициям.

Р. Бзаров. А между собой?

Т. Муталиев. Если вас интересует вопрос социально-экономического развития, то могу сказать, что в чеченских и в ингушских селах масса проблем. Вопрос в другом: зачем, оттолкнувшись от истории, утверждать, что ингуши непродолжительное время жили у Владикавказа, а затем уехали к Назрани и всякие связи с Владикавказом и Пригородным районом, якобы, прервались. И свои проблемы ингушам надо решать самим, а не за счет

осетин. И это в выступлении на сессии ученого, народного депутата РСФСР.

Одним словом, статья «Северная Осетия: на перекрестке эпох» была написана предвзято, тенденциозно, факты, изложенные в ней, не соответствуют историческим реалиям. Здесь нет документов. Возможно, на перо авторов повлияла острота момента. Но итог такой: подобные публикации взрывоопасны.

Давайте сознавать свою ответственность в этих вопросах. У нас у всех кавказское воспитание. Вы старше меня, Марк Максимович, и мне неловко говорить такие вещи. Но если соразмерить ту общественную опасность и соображения вежливости и этикета, я думаю, вы простите меня за мои слова. Данная статья сыграла крайне отрицательную роль в отношении между нашими народами. Продолжать работать в таком духе никак нельзя. С нас спросят. Не с нас, так с наших детей.

М. Блиев. Позвольте мне ответить. Дело в том, что публикация статей по интересующим нас проблемам началась в Чечено-Ингушетии. В Северной Осетии еще при Одинцове всячески сдерживалось движение, начавшееся в Ингушетии, связанное с публикацией различных материалов, подготовленных, с моей точки зрения, не профессионалами. В Осетии понимали (при всем негативном отношении к Одинцову): не стоит вступать в полемику по этим вопросам. Затем пришел Дзасохов, который, несмотря на растущие масштабы публикаций в Чечено-Ингушетии, также принял идею Одинцова не вступать в споры. Даже сегодняшний диалог, который, может быть, не очень конструк-

тивен с научной стороны, казался тогда неприемлемым. И делалось это во избежание обострения отношений. Скажу вам, наши попытки создать газеты, которые имеются в других регионах страны, всячески пресекались, из опаски, что эти газеты вступят в полемику с теми печатными органами, которые имелись у вас. В дальнейшем одна из первых газет была все-таки создана — «Адамон цадис», собственно, одновременно с «Терским казаком». Мы с Русланом Бзаровым стоим в редколлегии «Адамон цадис». Он редактор газеты и не даст мне соврать. К нам поступают материалы достаточно публицистические, связанные с историческими данными. Мы категорически отвергаем полемику в нашей газете, полагая, что это может только усугубить ситуацию. Если будет материал, основанный на документах, то ему, конечно, место найдется. В частности, в последнем номере помещен документ о преобразовании крепости Владикавказ в город, есть материал об истории осетинских семей, проживавших во Владикавказе. Но вступать в полемику, думаю, не следует. То, что напечатано, — это ответ на неуместное, я считаю, выступление Б. Богатырева. Оно субъективно, непрофессионально. Оно взбудоражило всех. А вы отвлекитесь от субъективных оценок, прочитайте как житель нашей республики — неважно, осетин, грузин или армянин, русский — и вы поймете, как сработало в сознании любого, проживавшего в СОАССР, выступление Богатырева.

Поэтому если и есть — а я считаю, что есть — в этой статье субъективные моменты, то они во многом объясняются теми наслоениями, которые

вызваны вашей печатью и которые завершились выступлением Богатырева.

В таких случаях искать научную истину, о которой мы говорим с самого начала, очень тяжело. Я возвращаюсь к тому, с чего начал. Давайте не искать науку в тех публикациях, которые имеются у вас, и в тех публикациях, которые успели подготовить наши печатные издания. Если мы действительно уважаем нашу профессию и себя, как профессиональных историков, давайте приступим к публикации документов и материалов. Это гораздо важнее, чем тысяча слов, написанных публицистом. Я еще раз предлагаю вам идею сотрудничества, лично вам, Тамерлан, поскольку наши научные интересы соприкасаются.

Может быть, я не так писал. Вы помните, наверное, я даже взял на себя труд написать о русско-ингушских отношениях. Был бы очень вам благодарен, если бы вы написали что-нибудь об Осетии. Я к тому, что у нас есть точные соприкосновения. И если бы без упреков и условий вы хотите чтобы мы работали вместе? — мы могли бы даже из опубликованных материалов сделать подборку и из неопубликованных. Если, допустим, в этом сборнике будут материалы, которые, с вашей точки зрения, неубедительны, в конце концов с вами разберемся. Этим я хотел бы закончить.

Т. Муталиев. Понятно, Марк Максимович. Но вот я в конце позволю себе реплику. Вы сказали, что статья справка вызвана неграмотными, дилетантскими публикациями в печатных органах нашей республики. Дело в том, что такие публикации то начались в Северной Осетии. И начали их не дилетанты, а про-

фессионалы. Я уже говорил, что эту волну всколыхнула дискуссия о переименовании города Ordzhonikidze. У нас было тогда неформальной печати. В официальной же печати я не знаю таких публикаций.

А Богатырева понять можно. Единственно, в чем вы можете его упрекнуть, так это в том, что он сказал, что Владикавказу 3,5 тысячи лет. За десятилетия многое накопилось у людей. Так что реакция на выступление Богатырева и чрезвычайная сессия, как реакция на передачу ЦТ, я считаю далеко не адекватны. Нельзя так.

М. Музаев. В Чечено-Ингушетии сейчас идет возрождение исторической науки. Дело не только в 13-летней ссылке, но и в том, что до перестройки у нас не было своей исторической науки как таковой. Она была отдана на откуп отдельным лицам, которые извращали историю Чечено-Ингушетии больше, чем любой из соседей. На эту историю вылили много грязи. Те же, кто был не согласен, подвергались гонениям. Сейчас она, эта история, возрождается.

Теперь, что касается вашего утверждения о том, что прошла целая полоса публикаций, искажающих историю СОАССР. Не было такой полосы. Ни в одной нашей газете ни в «Грозненском рабочем» (ныне «Голос Чечено-Ингушетии»), ни в «Сердало», ни в «Комсомольском племени» не было публикаций, о которых вы, Марк Максимович, говорите. Назовите хотя бы одну. Мне неудобно об этом говорить, но ваша с Кучиевым справка о городе Ordzhonikidze и Пригородном районе, которая передана комиссии Белякова, появилась значительно раньше, чем были созданы неформальные газеты

Чечено-Ингушетии. Появилась она в прошлом году, имела хождение в рукописи по территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Потом к вам присоединились другие авторы. И эта справка превратилась в документ для комиссии Верховного Совета СССР. И эта же справка с некоторыми изменениями опубликована в газете «Социалистическая Осетия». В ней имеются грубые перекорректировки исторических документов.

И сегодня, я считаю, разговор у нас не получился, так как вы старались теоретизировать, уходить от конкретных исторических проблем. Ну как можно переселение чеченцев, ингушей в прошлом веке объяснить тем, что делалось это в целях компактного их расселения, когда каждая станция возникла на месте уничтоженных чеченских, ингушских селений? Или как можно выдавать за злодеяния ингушей мирное переселение населения станиц под Владикавказом, которое было признано законным всеми народами Терка, в том числе и самими казаками? На каком основании деникинские бесчинства выдаются как борьба за восстановление справедливости? Извращается также история ингушей первых лет Советской власти, 30-х годов и военных лет. Причем искажаются подлинные документы. Вот что удивляет. Конечно, такой подход недопустим. Ведь завтра этот документ прочтут и другие. Неправду не так уж и трудно обнаружить. Историки и дальше продолжают работу над этими документами. Особенно печально, что, основываясь на таких публикациях, готовятся материалы, которые провоцируют межнациональную рознь в самой Чечено-Ингушетии. Полагаются на-

строить казачество против чеченцев и ингушей, вызвать в Грозном беспорядки. Я говорю в данном случае о «Терском казачке». Считаю, что это чрезвычайно опасно, и нам надо сознавать меру своей ответственности, когда публикуем такие вещи, отказаться от практики очернительства целых народов.

М. Блиев. Давайте договоримся и по этой позиции. Тамерлан, как вы думаете, мы можем сегодня проявить профессиональную солидарность? Выйти на такой уровень наших взаимоотношений и договориться: раз мы не в состоянии сейчас писать статьи для периодической печати...

Т. Муталиев. Объявить мораторий на эти публикации?

М. Блиев. Да. Но я не хочу сказать, что мы должны отказываться писать. Например, я пытаюсь опубликовать что-то по XVIII веку и так или иначе затрагиваю Ингушетию. В этом случае я обращаюсь к вам как к рецензенту. Что касается такого рода публикаций, давайте объявим мораторий — не публиковать их. Такой мораторий можем перенести и в профессиональные издания. Можем и в своей газете «Адамон цадис» объявить его. Я мог бы переговорить и с редакцией «Терского казака», хотя к нам они прямого отношения не имеют.

Т. Муталиев. Не стоит. Это одиозная газета. Но если можете воздействовать на них, я считаю, это долг каждого порядочного профессионала.

М. Блиев. Иначе говоря, я предлагаю вам два пункта. Первый — путь сотрудничества, второй — прекратить публикацию. Последнее очень важно, чтобы прийти к сотрудничеству.

Т. Муталиев. Нам очень трудно пойти на это, так как вы

все что хотели сказать, — сказали в официальной печати, а мы — нет.

М. Блиев. Мы с Русланом обещаем сделать подборку всех опубликованных у вас материалов на русском языке и выслать вам их. Вы убедитесь, что ваш покорный слуга обязан был бы подать в суд, например, на малгобекскую городскую газету. В ней одни оскорбления в мой адрес. А какие письма мы получаем? Это, конечно, влияет не самым лучшим образом.

Т. Муталиев. А резолюцию майского митинга в г. Орджоникидзе, опубликованную в вашей газете «Адамон цадис» читали? В ней говорится, что ингуши открыли против Красной Армии второй фронт, стреляли в спины доблестным бойцам Красной Армии.

Р. Бзаров. Ну, я такого не помню дословно.

Т. Муталиев. Ну вот, вы не помните, а я помню почти дословно.

Ведущий. А есть ли смысл давать такие резолюции в газете?

Р. Бзаров. Эта резолюция была опубликована постольку, поскольку были опубликованы все резолюции ингушских митингов.

Т. Муталиев. Какие были там оскорбления в адрес осетинского народа, назовите конкретно?..

М. Мужухоев. Поскольку наш разговор идет к концу, хотелось бы вот о чем сказать. Очень сожалею, что в нашей беседе не участвовал Владимир Александрович Кузнецов. Хотел бы объяснить с ним по некоторым вопросам. Например, у меня вызывает возражение первая же строка статьи-справки, под которой стоит и его подпись. А начинается она с алан-осетин. Я не помню ни одной работы, в

которой Владимир Александрович писал «алано-осетины». Уверен, что он знает: аланы — не есть осетины. Осетины — это аланы плюс кавказский субстрат. Я бы спросил у Владимира Александровича, как можно отрицать этот факт, как можно игнорировать кавказский элемент формирования осетинского этноса? Опирался ли он при этом на данные письменных источников, языка, топонимики, фольклора, этнографии, археологии, антропологии?

Хотел бы поспорить с Кузнецовым и по поводу его утверждения о том, что предки ингушей в период татаро-монгольского нашествия в XIII веке жили только в труднодоступных горах и на равнинных землях, которые являются исторической территорией осетинского народа. Ведь знает же Владимир Александрович, что это не соответствует исторической действительности, дезинформирует неподготовленных читателей. Зная о том, что он так раньше не писал, я бы спросил его: «Где вы пишете правду?»

Мы могли бы с ним поговорить об этногенезе осетин в связи с территорией расселения вайнахов в прошлом — еще в кобанскую эпоху, до ирано-язычных алан. Словом, если бы сегодня здесь присутствовал Владимир Александрович, мы нашли бы немало тем для разговора. Но самое главное — это тема, связанная с ответственностью историка. В чьих бы интересах это ни было, нельзя поступаться правдой.

Р. Бзаров. Я хотел бы поблагодарить за интересные предложения, я воспринимаю их с большим удовлетворением. По праву младшего я выхожу вперед, если трудная дорога. Я хочу сделать заявление: прошу снять все, что я говорил и оста-

вить вот что: я считаю, что крайне вредно обсуждать в периодической печати исторические вопросы, прямо затрагивающие острые политические и территориальные проблемы. Политические проблемы не могут быть решены на основе исторических аргументов. Я отрицаю появление таких публикаций в прессе.

А. Вауев. Я согласен на мораторий в том случае, если мы ответим на ваши публикации или же вы призываете свою неправоту. Создана уникальная ситуация. Серия публикаций с вашей стороны по существу остается безответной. Вы высказали все, что хотели, исказив при этом историю, и призываете нас молчать. С помощью ваших публикаций сформировано неправильное общественное

мнение, а нам, выходит, уготована роль пассивных наблюдателей?

М. Мужухоев. Я хочу внести такое предложение: давайте обменяемся учеными, чтобы прочитали цикл лекций по этим вопросам на аналогичных кафедрах. Люди не все понимают, не все осваивают, у вас материал есть, и у нас он есть. Давайте обменяемся и посмотрим, как аудитория будет воспринимать.

З. Сагутонов (зав. идеологическим отделом «Социалистической Осетии»). Совместная работа необходима, выступать надо, соблюдая объективность...

Материал подготовили сотрудники газеты «Голос Чечено-Ингушетии»

**М. КАТЫШЕВА,
М. ОЗИЕВ.**

Бастионы лжи.

Для чего они возводятся?

Периодическая печать Северной Осетии с автоматической заданностью выплескивает на свои страницы обширные по объему материалы из истории взаимоотношений ингушей и осетин примерно за два последних столетия. Подобную активность объясняют отсутствием «полной и научно обоснованной информации о том, как происходило становление той части территории Северного Кавказа, в рамках которой сегодня существует Северо-Осетинская АССР». (Социалистическая Осетия 1990, 7 июня). Опытному читателю (а он невольно набрался уже опыта), после этих строк сразу же станет ясно, что во всех этих материалах в основном речь идет об истории пригородного района, г. Орджоникидзе (Владикавказ).

Нет возможности даже просто перечислить заголовки статей, замечок, откликов и т. д., появившихся в газетах соседней республики, ибо это заняло бы добрую колонку на газетной полосе. Остановимся лишь на статье «Северная Осетия: на перекрестке эпох», опубликованной большой группой историков в трех номерах «Социалистической Осетии» 7, 8 и 9 июня 1990 года. Не будем подробно полемизировать по тону и этике этой статьи. Коснем-

ся лишь основных вопросов, получивших откровенно тенденциозное освещение, а в ряде случаев представляющих заурядную фальсификацию исторического прошлого.

Начинается все это уже в первой части статьи. Так, авторы сообщают, что осетинское население в 40-х годах XVIII века, по русским источникам, составляло более 200 тысяч человек, то есть значительно превосходило по численности соседние народы. И соседи, если верить содержанию статьи, с пониманием относились к стремлению осетин расширить свое жизненное пространство, ибо, как сообщают ее авторы, «на востоке миграция осетин обещивалась тенденцией ингушского населения к движению с запада на восток. В результате этого, — продолжают они, — к началу XIX в. не только левый, но часть правого берега Терека занимало осетинское население» И далее с ссылкой на книгу Н. Г. Волковой сообщается, что в первом десятилетии XIX в. все пять джераховских селений (37 дворов, 185 человек) являлись осетинскими. Во-первых, уже много лет назад один из авторов статьи по поводу 200-тысячной численности осетин вполне обоснованно писал, что «эти данные, безус-

осетинские отношения. Т. 1) Орджоникидзе, 1976, с. 466). Для справки отметим, что даже спустя 150 лет, по данным переписи 1897 года, осетин насчитывалось около 172 тысячи человек (Ишханян Б. Народности Кавказа. П., 1917, с. 37).

Во-вторых, что касается «осетинского происхождения» ингушей джераховцев, то этот факт, если бы он даже имел место, должен был бы в научной литературе восприниматься как нормальное явление для пограничной территории двух этносов. Это подтверждается хотя бы тем, что в Северной Осетии есть немало фамилий, ведущих свое происхождение от ингушей, например, тагаурские алдары Дударовы. Но, поскольку авторы статьи таким путем пытаются доказать, что правобережье Терека в XVIII в. принадлежало осетинам, то приходится им напомнить, что из книг нельзя выбирать лишь подходящие для них сведения. Ведь на той же странице, на которую ссылаются авторы, Н. Г. Волкова соглашается с утверждением историка начала XIX в. Ю. Клапрота о том, что «осетины... за пользование земель, на которой находились селения Ларс, Чми, Балта, издавна платили ингушам подати». (Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М. 1974, с. 128). Поскольку неопубликованный документ 1766 года определенно причисляет джераховцев к ингушам (ЦИАЛ, ф. 796, оп. 34, д. 190, л. 19), то не означает ли это, что население Джераха, представленное в середине XVIII века теми же фамилиями, которые живут там и поныне, никогда осетинским не было, и разве не следует из этого, что обеспечивавшая «на востоке миграцию осетин... тенденция ин-

гушского населения к движению с запада на восток» (заканчивающее изящное выражение принадлежит авторам статьи) как раз и пресеклась, дойдя до правого берега Терека? И это тем более верно, что нет ни одного документального свидетельства о присутствии осетин в каких-либо других ингушских селениях, со второй половины XVIII в. густо разбросанных в Тарской долине (кроме селения Заурово, где у ингушей в конце XVIII — начале XIX в. находили гостеприимство и приют осетинские беглецы).

Акцентировать внимание на якобы «осетинском происхождении» ингушей джераховцев авторам понадобилось для следующего утверждения (пусть читатель не осудит за длинную цитату): «К концу XVIII в. среди части осетин и ингушей отмечается новое миграционное направление — в сторону верховий р. Камбилеевка, в частности, в местечко, известное как Онгушта (Ангушта)». По свидетельству Вахушти Багратиони, автора XVIII в., ранее жители Ангушта были черкесами, исповедовавшими мусульманскую веру (Вахушти. География Грузии, ЗКОРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис 1904, с. 151). «Нет сведений о том, — продолжают авторы, — по каким причинам ушли отсюда, из Ангушта, черкесы (кабардинцы), о которых писал Вахушти... В конце XVIII в., после ухода черкесов, Ангушта заселялась переселенцами из Джерахского ущелья. А позже к ним присоединились галгаевцы». То есть читателю подсказывают, что Ангушт тоже был населен осетинами (раз джераховцы, по их мнению, осетины, то по-другому это и не понять).

Даже неловко как-то за авторов, вслед за именем каждого из которых тянется длинный

шлейф должностей, научных званий и степеней. Но от конкретного факта не уйти: здесь в каждой фразе откровенно и преднамеренно фальсифицированы факты. Судите сами, царевич Вахушти свою книгу писал в Москве, куда он переселился в 1724 году, писал по материалам, собранным до своего отъезда. И уже поэтому его сведения нельзя отнести к концу XVIII века. Далее, в разделе «О Глигви» (глигви — грузинское название галгаев, ингушей — Т. М.) Вахушти сообщает «Речка страны вытекает из срединного между Пшавией и Глигви Кавказа и идет от юга к северу... На этой речке находится Ангушти, селение большое; и ущелье это со строениями и селениями... **А жители Ангушти похожи на черкесов** (выделено мною — Т. М.), по вере они магометане, суиниты» (Вахушти Указ., соч., с. 151). Что же здесь неясного: речь идет о конкретно ингушской (глигви) территории. Вполне естественно, что ингуши оказались Вахушти похожими на черкесов, так и они, и чеченцы, и карачаевцы, и балкарцы, и осетины и ряд других горских народов в антропологическом отношении являются представителями кавказского типа. (Народы Кавказа. Т. I. М., 1960, с. 28). Кроме того, сведения Вахушти не дают никаких оснований утверждать, что именно в Ангуште (топоним чисто ингушского происхождения) вообще когда-либо жили кабардинцы, хотя до 1730 х годов кабардинцы и занимали пространство севернее Ангушта — равнину между Сунжой и Камбчлевкой (Волкова Н. Г. Указ соч., с. 55).

Авторы преднамеренно пытаются создать впечатление, что в Тарской долине и вообще на территории нынешнего Приго-

родного района других ингушских селений, кроме Ангушта, в XVIII XIX вв. не было. Напомним, что в 1771 году И. Гюльденштедт в двух округах Ангушт и Шолха (иное их название — Большие и Малые Ингуши) насчитал 24 ингушских селения (Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Спб., 1809, с. 84—85). Из них в сферу внимания русских миссионеров в 1780 году попали жители 10 селений (в их числе и Заурово) общим количеством дворов 1155 (Русско-осетинские отношения. Т. 2. Орджоникидзе, 1984, с. 392).

Чем как не доказательством сознательной и преднамеренной фальсификации истории освоения ингушами никак не позже середины XVIII в. средней части территории современного Пригородного района является полное игнорирование авторами статьи подлинных документов на эту тему, опубликованных не так давно в Северной Осетии. К уже приводившимся примерам подобного рода добавим еще один. В мае 1760 г. ингушский старшина, описывая набег княжеской дружины на селение Ахки-Юрт (ныне с. Сунженское), подчеркивал, что и «стенными местами как мы, так и предки наши владели» (выделено мною. — Т. М.), пашни пахали и сено косили». Примечательно, что и этот документ опубликован одним из авторов рассматриваемой статьи (Русско-осетинские отношения. Т. I. Орджоникидзе, 1978, с. 419).

Все это и многое подобное делается в угоду нынешним чисто конъюнктурным соображениям. Получен заказ: доказать во что бы то ни стало, что ингуши почти не жили в Пригородном районе, а крепость Владикавказ возникла не на ин-

гушской земле и развивалась не в окружении ингушских сел. Выполняя этот заказ, авторы раз за разом ставят себя в постыдное для порядочных людей положение. Они вынуждены не только лгать, но при этом нередко и опровергать свои более ранние работы.

Далее долго и неубедительно статья навязывает мнение о том, что селение Заурово, близ которого в 1784 году была заложена крепость Владикавказ, больше осетинское, чем ингушское. Следует отметить, что в этом для осетинских историков нельзя не увидеть значительно «прогресса», поскольку раньше многие из них вообще не допускали присутствия ингушей в этом ингушском селении. И вновь всплывает мифическое осетинское селение Капкай, ставшее теперь еще и Дзауджикау, которое тоже якобы располагалось близ Владикавказа. Это что-то новое, ибо до последнего времени в качестве осетинского села Дзауджикау в Северной Осетии выдавали ингушское Заурово. Однако, если Заурово как ингушское селение зафиксировано не только на десятках географических карт XVIII в., но и отражено во многих десятках подлинных источников того периода и известны даже имена некоторых его жителей, то существование Капкая до сих пор не подтверждено ни одним письменным источником той поры. Ну нельзя же в самом деле считать надежным источником доклад такого историка, как фельдмаршал Барятинский, сделанный им в 1859 году. Кроме того, осетинские историки также не представили ни одного документа о возникновении в год основания Владикавказа близ ее «южного форштадта» осетинского аула (кроме сведения Буткова и Раковича. — Молодой комму-

нист, 1990. 5 июля). Документально основание этого осетинского аула подтверждается временем не ранее осени 1803 года (АКАК, т. П. Тифлис, 1868, с. 228—229). Правда, в нашей республике в научной литературе не подвергалось сомнению сообщение такого авторитетного кавказоведа середины прошлого века, как П. Бутков, о поселении осетин в 1784 году под защиту крепостных стен Владикавказа. Однако при этом смущает, что осетинские историки, безоговорочно доверяя этому сообщению Буткова, совершенно отказываются признать справедливость другого его утверждения — о возникновении Владикавказа близ именно ингушского селения Заурово.

Поскольку до сих пор о Заурове как об ингушском селении, насколько известно, в научный сборот не вводились документы периода ранее 70—80-х годов XVIII в., приведем еще один, более ранний. Этот документ, представляющий собой реестр о крещении жителей некоторых ингушских селений, сообщает, что «1756 года августа 16 дня... народ, называемый по-грузински кишты, а по-кабардински — ингуши, по звали нас в своя земля» В числе принявших крещение перечислены трое старшин «Зауковой деревни» (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 34, д. 190, л. 19 об.) Интересно, что в числе зауровских старшин назван Гета Татарханов. Следует полагать, что это тот Гета (родственник ингуша фепинца Сейку, спровождавшего Штедера), который в 1781 году был главным старшиной Заурово и «принял гостя очень хорошо» (Штедер, Дневник путешествия. Спб. 1797, с. 41, 45, нем. яз.). Документ цитированного выше фонда сообщает интересные

сведения о собрании ингушей в июне 1757 года «посреди межи, коя межа у них с осетинцами по берегу реки Терка» (ЦИИАЛ, ф. 796, оп. 38, д. 55, л. 2).

Понимая, что трудно настаивать на том, что Заурово — селение осетинское, а не ингушское, ввиду обилия документов, твердящих как раз последнее, в статье утверждается, что основание крепости нельзя привязывать ни к какому селению, к Заурову в том числе (хотя ближе, чем Заурово — 4 версты — к Владикавказу, в 1784 году на все четыре стороны света не было ни одного поселения). При этом, правда, остается непонятым, почему Владикавказскую крепость «привязали» именно к Заурову, когда в 1944 году, после выселения чеченцев и ингушей в Северной Осетии, успешно переименовали г. Орджоникидзе в Дзауджикау (осетинское название ингушского Заурово).

Отказавшись от этого, авторы выдвигают «версию» возникновения Владикавказа как следствие развития русско-осетинских отношений в конце XVIII в. Я не умаляю значения русско-осетинских отношений, но вслед за авторами фундаментального научного труда считаю, что Владикавказ, как и другие укрепленные пункты от Моздока до Дарьяльского ущелья был построен для «открытия удобной и безопасной дороги... в Грузию». (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988, с. 452). Надо полагать, несколько раньше такого же мнения был и один из авторов рассматриваемой статьи, который в числе других соавторов и написал соответствующую главу «История народов Северного Кавка-

за», на которую мы только что сослались.

После такой подготовки в заключение первой части, чтобы окончательно, так сказать, «добить» возможных оппонентов, авторский коллектив обращается к помощи статистики. Ссылаясь на данные «Кавказского календаря на 1852 год» читателю сообщают, что в крепости Владикавказ к тому времени из 3653 человек населения осетин было 883. Все правильно, есть такие данные. Но следовало хотя бы отметить, что эта высокая цифра отражает осетинское население не самой крепости, а того самого Владикавказского осетинского аула, возникшего, как уже отмечалось, по документально подтверждаемым данным, не ранее осени 1803 года. Если это не так, то чем объяснить резкое снижение численности осетин во Владикавказе с 883 человек в 1852 до 324 в 1875 году? Ингушей, присутствие которых не только в самом городе, но и вообще в его окрестностях упорно не желают признавать определенные круги в Северной Осетии, жило во Владикавказе в том же 1875 году 74 человека (Терские ведомости. 1876 № 41, 7 октября). Резкое же снижение числа осетин во Владикавказе следует объяснять тем, что к концу 1860 года местной администрации удалось все-таки переселить в другое место большую часть жителей Владикавказского осетинского аула, попытки к которому она упорно предпринимала с начала 40-х годов XIX в. (Материалы по истории Осетии. Т. II. Орджоникидзе, 1942, с. 254, 259, 314, 333).

Авторам статьи все это хорошо известно (во всяком случае, части из них — несомненно), но сегодня по чисто конъюнктурным соображениям им выгодно вы-

сывать на читателя ворох ловко препарированных фактов и цифр. При такой любви к статистике не помешало бы обратиться к цифрам более раннего периода. Ну хотя бы они могли сообщить, что, в частности, в 1823 году, согласно клировой записи осетинской церкви во Владикавказе, выстроенной на средства комиссии по обращению в христианство осетин и ингушей, ее прихожанами являлись жители 120 дворов осетин и 118 дворов ингушей (Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1897, с. 41). Вторые, надо думать, были жителями ингушских селений Заурово и Темурково, лежавших к югу от крепости, соответственно в 4 и 2 верстах.

Однако было бы не страшно, если бы из общей канвы исторической картины исключались лишь отдельные события и факты. Глубоко недоостойной является попытка откровенно исказить картину освоения западными ингушами равнинных земель с юга на север и на восток по правому берегу Терека, по обоим берегам Сунжи и Камбилеевни по выходу этих рек из горных ущелий. Рассмотрим, как это делается. «На протяжении XVIII в. написано в статье — горские народы (осетины, чеченцы, ингуши) не раз обращались к русскому правительству с просьбой разрешить им выселиться с гор на равнину и заняться земледельческим трудом. Желая установить более тесные экономические и политические связи с этими народами, в конце XVIII — первой трети XIX в., правительство приступило к поэтапному переселению горцев.

...Осетины получили земли в районе Моздока и на Владикавказской равнине. В конце XVIII — начале XIX в. русские власти предоставили также воз-

можность части ингушского населения выселиться с гор на равнину, на земли, ранее принадлежавшие кабардинцам. Первыми ингушскими поселениями, возникшими на этих землях, явились Назрань и Ачалукки». (Социалистическая Осетия, 8 июня 1990 г.).

В данном утверждении многое нуждается в уточнении. Есть существенные отличия в освоении равнинных земель осетинами и ингушами. Если осетинские поселения на плоскости (кроме западных, дигорских) возникали, как правило, вслед за появлением здесь русских военных укреплений и в непосредственной близости от них (Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе 1980, с. 3—7), то освоение ингушами Владикавказской равнины началось задолго до появления здесь русских войск. И если осетины искали дружбы с Россией вообще для осуществления самой возможности переселиться на равнину, то ингуши были заинтересованы в таком союзе для получения помощи в защите множества уже имевшихся здесь своих селений, а также для развития дальнейшей миграции на плоскость. В данной статье мы имеем возможность привести лишь небольшую часть подлинных документальных материалов, подтверждающих именно такую подоснову русско-ингушских отношений, начиная с середины XVIII в. Что же касается времени и характера миграции осетин на равнинные земли, то об этом ярко сказал в свое время один из классиков осетинской литературы Цомак Газиер: «Лишь на рубеже XVIII и XIX столетий, когда Россия проторила себе дорогу в Закавказье, осетины стали выгладывать из своей горной темницы

на равнинный свет» (Тотоев М. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе. 1963, с. 28—29).

Мы убедились на ряде примеров, что миграция ингушей на плоскость началась на рубеже XVII—XVIII веков. Первоначально их поселения возникли на берегах Камбилеевки у выхода из Тарского ущелья. По данным конца XVII в. — первой четверти XVIII в., Ангушт характеризуется как «селение большое» (Вахушти. Указ соч., с. 151). Не позже, чем к 50-м годам XVIII в. переселенцы из селений, группировавшихся вокруг Ангушта и известных как Большие Ингуши, продвинулись вниз по течению Камбилеевки и образовали округ Шолха или Малые Ингуши. Одновременно возникли и ингушские селения в верхнем течении Сунжи и началось хозяйственное освоение ингушами района р. Назрань (Генко А. Из культурного прошлого ингушей «Записки коллеги востоковедов. Вып. У Л., 1930, с. 693—695; Волкова Н. Г. Указ, соч., с. 159—161).

Договор 1810 года о принятии ингушами подданства России, предоставил им возможность более прочно освоить обширную территорию по обеим берегам среднего течения Сунжи, пространство между Сунжей и Камбилеевкой, земли между Камбилеевкой и Теремом на территории современного Пригородного района СОАССР и Назрановского района ЧИР. Но еще до подписания этого договора, как сообщал в июле 1810 г. Владикавказский комендант, часть ингушей, живших близ крепости, «войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемое Назран в расстоянии от

сель за 32 версты, приняла от них муллов, построили мечети» (ЦГВИА, ф. 482, оп. I, д. 20, л. 11). Командующий Кавказским корпусом выражал свою озабоченность этим и предлагал ингушам-назрановцам занять земли у крепости по левому берегу Терека в сторону Балты, «где место удобное и хорошее, а для хлебопашества и выгона скота... поля для них предоставляются... на противной стороне Владикавказа за Терекком...». Но это предложение ингушами не было принято и уже к 1812 г. в селе Назрань числилось 1006 дворов (ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 68 об.), т. е. тем самым расширился ареал миграции ингушей.

В первой четверти XIX в., их селения возникли не только по правому берегу Камбилеевки, но и на пространстве между правым берегом Терека и левым берегом Камбилеевки в среднем ее течении. Это аулы Долгиева, Бузуртанова, Османа, Жантемирова, Батоно Акмурзиева и др. (ЦГВИА, ф. 13454, оп. 15, д. 511, л. 58). Право на заселение этой территории ингушам было дано договором 1810 г. В 3-м пункте специального акта, выданного их представителям, подчеркивалось, что им предоставляется «землями и лесами пользоваться безвозбранно по правую сторону течения р. Терека» (АКАК, т. IV, с. 900—901).

В этот же период (первая четверть XIX в.) в окрестностях Владикавказской крепости, за исключением нескольких поселений хуторского типа по левому берегу Терека осетинских селений не было (Калоев Б. А. Осетины М., 1967, с. 60). Активный характер переселение осетин на плоскость начинает приобретать после 1822 г., когда генерал Ермолов приказал разделить рав-

нину от левого берега Терена до р. Белой между куртатинцами, алагирцами и дигорцами. (Материалы по истории осетинского народа Т. II, с. 125, 189—190).

С «ослаблением влияния кабардинских феодалов в предгорных районах» в первой трети XIX в. связывают осуществленные мечты «осетинского народа... вырваться из земельной тесноты гор на плодородную плоскость» авторы «Истории Северо-Осетинской АССР». (М., 1959, с. 162).

В итоге этих миграционных процессов к 1838 г. территория расселения ингушей и осетин (без ярцев и дигорцев) по отчету Владикавказского коменданта, возглавлявшего военное-административное управление ими, являла собой следующую картину. «Алагирцы живут, — сообщает этот документ, — по реке Ардон в Алагирском и Музурском ущелье, расстоянием от Владикавказа в 70 верстах. Чимитинцы и куртатинцы — по реке Фиагдону в Куртатинском ущелье, расстоянием от Владикавказа в 30 верстах. Тагаурцы — по рекам Гизели и Гиналдону, Тереку и Каржин в Тагаурском ущелье, расстоянием от Владикавказа от 15 до 30 верстах. Джерахи — на реке Макалдоне (Армхи — Т. М.) в ущелье Джераховском, расстоянием от Владикавказа в 20 верстах. Кистинцы — на сей реке в Кистинском ущелье расстоянием от Владикавказа в 30 верстах... Ингуши — на реках Камбилеевка, Сунжа и Назрановка, на равнинах между Кавказскими и Кабардинскими горами, расстоянием от Владикавказа от 10 до 30 верстах» ЦГВИА, ф. 13454, оп. 6, д. 218, лл. 20, об. — 21).

Аналогичный характер расселения ингушей и осетин отражает и «Обзор политического

состояния Кавказа 1840 г.». Согласно его данным, осетины живут на «северной покато-сти Кавказа на запад от Военно-Грузинской дороги в верховьях рек Улуха, Ардона, Фиагдона, Геналдона». Об ингушах же сказано, что они «обитают все на юго-востоке от Владикавказа и в окрестности оного: назрановцы — по р. Камбилейке, Сунже и на Терской долине, галаши — по р. Осе (Ассе — Т. М.), карабулаи — по р. Осе и Сунже, галан — близ верховьев р. Осы ...кисты ближние и джерахи — в ущельях р. Макалдона (Армхи. — Т. М.)» Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50-х гг. XIX в. (сб. документов — Махачкала, 1959, с. 225—226, 228).

Отсюда видно, что вплоть до 40-х годов XIX в. основные миграционные направления осетин развивались по левобережью Терена, между тем как ингушами осваивались равнинные земли по правобережью этой реки, причем частично уже освоена была ими и территория междуречья Терека и Камбилеевки в среднем течении этой реки в соответствии с актом, приложенным к известному договору 1810 года. Ясно, что утверждение авторов статьи о том, что «лишь... в 40-х гг. XIX в. поселения ингушей стали создаваться по берегам р. Сунжи и ее притоков (Назрань, Эрцали)» не выдерживает никакой критики, т. к. именно в указанном районе на карте, приложенной к отчету Владикавказского коменданта, зафиксировано более 30 ингушских селений, в их число при этом не попало множество хуторов по 10—15 дворов каждый. Кроме того, здесь же авторы допускают выпад в отношении ингушского народа, ко-

торый лично я воспринимаю оскорбительным. Это сделано, во-первых, уверенным, что ингуши якобы не спешили покинуть горы, боясь лишиться возможности заниматься грабежами на горных дорогах, и, во-вторых, утверждением, что в 40-х годах XIX в. ингуши стремились поселиться поближе к безопасному Владикавказу (хотя к тому времени они уже более ста лет жили на этих землях) вместо отведенных им земель, примыкавших к «арене Кавказской войны». Что это, как не обвинение в трусости?

Что касается первого, то кому из историков не известен бесспорный приоритет тагаурских алдаров в столь малопочтенном и, наверное, прибыльном деле, как грабежи на Военно Грузинской дороге? Во втором же случае мы встречаемся с попыткой выдать желаемое за действительное, ибо Владикавказ с самого своего основания был окружен с юга, востока, а позднее и с севера — ингушскими селами (хотя авторы статьи пытаются свести дело к тому, что в Тарсуйской долине до 50-х годов XIX в. было лишь одно ингушское селение Алгушта). Да и территория, примыкавшая к «арене Кавказской войны» была, как мы убедились, весьма плотно заселена ингушами уже в первой трети XIX в. Что же касается умения защищать собственный дом, то кто же, как не их предки еще в XVIII веке мужественно противостояли частым набегам сильных княжеских дружин соседних народов на родные селения, уже тогда густо разбросанным в нынешнем Пригородном районе. Первое известное нам, документально зафиксированное также нападение состоялось в 1756 г. (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 38, д. 55, л. 2) следующее в 1772 г. и настолько серьез-

ное, что, по словам миссионера, «они (т. е. ингуши — Т. М.) и священников (русских — Т. М.) от себя выслали честно, чтобы и они с ними не погибли» (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 50, д. 140, л. 266—266 об.). Отмечая привязанность наших предков к родной земле, умение ее защищать, Л. Штедер в 1781 г. о жителях колонии Шолха (Малые Ингуши) писал: «Одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев (кабардинских князей — Т. М.) налагаемое ярмо, причем недавно погиб один из знатнейших кабардинских князей (Штедер. Указ, соч., с. 28). Таким опасностям противостояли ингуши и до появления близ их селений Владикавказской крепости. Не раз участвовали они и в защите самой крепости (ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 72, л. 173—173 об.). Не покинули эти земли и после того, как в 1786 году русские войска оставили крепостные сооружения. Более того, когда русские войска осенью 1803 г. вернулись в крепость, на пути между ее укреплениями, и селение Заурово возникло новое ингушское селение просуществовавшее до конца 50-х годов XIX в. Не более спокойной для ингушей была жизнь не вдалеке от крепостных стен и после восстановления Владикавказа: в мае 1806 г. последовал еще один многочисленный и кровавый набег княжеской дружины на ряд ингушских селений, возникших здесь на рубеже XVIII—XIX вв. (ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 98—98 об.).

Авторы статьи и далее вводят в заблуждение своих читателей, утверждая, что возникшие якобы вопреки распоряже-

ниям кавказской администрации между Тереком и Камбилеевкой селения Базоркино, Далаково, Кантышево были вскоре переселены в Назрановский округ. Но ведь известно, что эти селения всегда располагались и сейчас расположены на правом берегу Камбилеевки, были там и в 50-х годах, а в 1865 г., т. е. когда их, по мысли авторов статьи, уже не существовало, в них соответственно насчитывалось 315, 100 и 250 дворов (ЦГВИА ГССР, ф. 545, оп. 1, д. 107, л. 14). Насильственному же переселению в 40—50-х годах XIX в. подверглись другие ингушские селения по левому берегу Камбилеевки. Так, на месте уничтоженных ингушских селений Батако Акмурзиева и Жантемирова в начале 40-х годов возникло осетинское селение Батако-Юрт. Примечательно, что при новом населении оно сохранило имя своего основателя. Жестокому наказанию подверглось население этих селений за содействие отрядам Шамилля. Насильно были изгнаны из своих селений жители Темурково, Бузуртанова, Османа, Долгиева и др. Земля этих селений впоследствии была передана «для нужд» Владикавказского казачьего полка.

Примечательно, что, творя этот разбой, царские чиновники не утруждали себя подысканием благовидных предлогов, а высказывались предельно откровенно. Так, начальник Владикавказского округа генерал Вревский в 1851 г. в отношении селения Темурково писал: «Ингушский аул Темурково, находящийся на правом берегу р. Терка — близ Владикавказа крайне стеснен землею и нередко стесняет покосы полковые и других команд, кварти-

рующих во Владикавказе». (Материалы по истории Осетии. Т. II, с. 313). При этом Вревский, конечно же, в расчет не принимал, что население этого аула уже полвека жило на этом месте, задолго до основания на левобережье Терека станиц Владикавказского казачьего полка.

Удивляет беспринципность использования в статье выдержек из отдельных документов. К примеру, ее авторам понадобилась цитата, чтобы подкрепить выдуманное ими утверждение о том, что в 1844 году ингуши подавали «настойчивые просьбы... о разрешении им поселиться рядом с Владикавказом (восточнее него)». («Социалистическая Осетия». 1990. 8 июня). И такую цитату, которая может ввести в заблуждение неискущенного читателя, они нашли в рапорте владикавказского коменданта полковника Нестерова, в январе 1844 г. действительно писавшего, что «наделить назрановцев землею между Тереком и Камбилеевкой считаю я невозможным... тем более права назрановцев на эту землю, сколько ни было собрано местных сведений, ничем доказать быть не могли». Есть такой документ. Можно еще добавить, что комендант Владикавказский в 1843—1844 гг. сведения о правах назрановцев на эту землю искал за двадцать последних лет.

Недоумение вызывает грубость, с которой эта цитата буквально втиснута в «концепцию» авторов. Совсем не хотелось освежать в памяти людей благополучно забытые конфликты первой половины XIX в., но авторы статьи заставляют это сделать. Все дело в том, что в 1843 г. военный министр России сообщил на

Кавказ, что депутация ингушей, принятая в Петербурге Николаем I, обратилась к нему с просьбой «о возвращении им (т. е. ингушам — Т. М.) пространства земли от Владикавказа между реками Терек и Камбилеевкою до кургана Кременчука. Они объясняют, — продолжал военный министр, — что на принадлежность им этого пространства выдан им был Владикавказским комендантом генерал-майором Дельпоццо акт, который у них отобран бывшим приставом Гайтовым» (ЦГВИА, ф. 13454, оп. 6, д. 162, лл. 1 и об.).

В переписке по этому вопросу речь не шла о разрешении поселиться у Владикавказа, она и не могла идти об этом, так как к тому времени крепость с трех сторон, кроме западной, была окружена ингушскими селами. Речь велась, как это видно из документа, о пространстве с севера и северо-запада, а не восточнее от Владикавказа, откуда к началу 40-х годов были изгнаны из нескольких селений ингуши, оказавшие поддержку войскам Шамиля. Акт 1810 г., на который ссылались депутаты в Петербурге (мы цитируем его 3 пункт, представляющий право ингушам пользоваться территорией по правобережью Терека), полковник Нестеров, конечно же, найти «не сумел», да и не мог его сыскать в делах за 20-е годы XIX в. Понятно даже, почему эти документы «не были найдены». Дело, безусловно, в том, что судьба этих земель была предрешена, уже в 1845 г. она была закреплена за Владикавказским казачьим полком, а также предназначена для хозяйственных нужд других войск гарнизона крепости. Цитата из рапорта полковника Нестерова призвана была придать ви-

димность «научной объективности», беспардонному искажению реальной картины прошлого. Пусть теперь читатель судит сам, какие средства для этого используются, и видит, что из этого вышло.

Во всей обширной статье одним из немногих достоверных фактов является, обильно снабженное цитированием архивных документов, сообщение о временном расположении управления Назрановского округа с 1909 г. до революции в г. Владикавказе. Это обстоятельство настолько нынче популярно в Северной Осетии, что один из авторов статьи даже признается («Социалистическая Осетия», 1990 г., 8 июня), как долго и упорно терзал он (надо полагать, очень далекую от понимания стратегических замыслов своих учителей), студентку - ингушку на экзамене по истории КПСС по поводу незнания ею этого факта. И неудивительно. С этим фактом — маленьким кирпичиком в огромном здании административного устройства бывшей Российской империи — нынче в социалистической Северной Осетии связывают серьезные надежды для нанесения сокрушающего удара по тем «амбициозным людям, которые пытаются использовать этот факт, фальсифицируя его в своих целях». («Социалистическая Осетия», 1990 г., 8 июня).

Временное размещение (с 1909 г.) управления Назрановского округа во Владикавказе, авторы статьи почему-то сочли возможным преподнести как свидетельство святого соблюдения осетинским народом «традиции взаимопонимания, взаимопомощи и добрососедства... во взаимоотношениях с другими соседними народами Терской области». Слова хорошие и привыч-

ые для слуха, только неясно, в какой связи находятся гостеприимство осетин и дореволюционный Владикавказ? Вряд ли даже авторы рассматриваемой статьи допускают мысль о том, что вопрос о месторасположении управления Назрановского округа мог решаться на общеосетинском народном сходе. Но вопросы все равно остаются. Например, также. Разве дореволюционный Владикавказ являлся центром Осетинской, а не Терской области, в том числе и в период с 1909 г.? Или осетинскому народу царская администрация была столь близкой и родной, что его нынешние историки считают возможным отождествлять администрацию дореволюционного Назрановского округа с ингушским народом? Уверен, что ни первый, ни второй вопросы попросту неуместны, но логика подачи материала в статье такова, что наталкивает читателя именно на такие вопросы.

Худо еще и то, что в трех номерах республиканской партийной газеты авторы не нашли иной возможности отметить подлинные свидетельства о действительно присущих осетинам добрых качествах. Выдуманный же ими для этой цели пример, оскорбителен для их же собственного народа.

Это стало бы предельно наглядным, рискованно они углубиться в историю административного устройства этой части Северного Кавказа. Но тогда им пришлось бы говорить о фактах убийственных для своего столь рекламируемого факта «временного размещения...».

С первого дня введения административного управления горцами (после восстановления в 1803 году Владикавказской крепости), когда осетины в массе своей жили еще в горах, ин-

гуши, населявшие долины и предгорья нынешнего Пригородного района и продвинувшиеся на территорию современного Назрановского района, входили в сферу управления коменданта этой крепости (ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 98. Там же: д. 20, лл. 11—11 об. и др.). В 1836 г. были введены новые правила управления гражданским населением Северного Кавказа. Но и после этого ингуши и осетины (за исключением нарцев и дигорцев) управлялись Владикавказским комендантом (ЦГВИА, ф. 13454, оп. 6, д. 218, лл. 19—19 об.). Не происходит изменений здесь и после разделения в конце 1857 года левого фланга Кавказской линии на четыре округа: осетины, ингуши и часть кабардинцев были включены в Военно-Осетинский округ (АКАК т. XII, с. 631—632). Чуть позднее происходит выделение Военно-Ингушского округа с центром управления в Назрани, но при этом местом постоянной резиденции Горского (ингушского) участка оставался г. Владикавказ (ЦГИА, ГССР, ф. 545, оп. 1, д. 107, л. 168). С 1871 года ингуши и осетины вновь объединены во Владикавказском округе (ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, д. 72, лл. 106—108 об.). При всех бывших впоследствии многочисленных изменениях и уточнениях в административном устройстве народов Северного Кавказа центром, из которого управляли ингушским народом, неизменно являлся именно этот город. И даже в последнее десятилетие перед революцией местом постоянного пребывания управления упомянутого уже Горского участка оставался опять-таки Владикавказ (Терский календарь на 1908—1917 гг.).

Известно ли авторам статьи

это? Для большинства из них все это далеко не тайна. Так для чего же понадобилось им породить небывлицы, да еще сопроводжать их нравочениями (и не только для студентки, которой важно получить на экзамене положительную оценку)? Это становится ясным в третьей части статьи, посвященной послереволюционному периоду. Вся затея понадобилась для следующего утверждения из периода упразднения Горской АССР (июль, 1924 года): «Поскольку управление бывшего Назрановского округа к моменту революции еще находилось во Владикавказе, то и новое областное управление — Ингушский обком КПСС (очевидно, ВКП (б) Т. М.), и облисполком — поначалу размещались здесь». («Социалистическая Осетия». 1990 г., 9 июня).

Трудно понять, на что рассчитывали авторы, столь бесцеремонно искажая смысл и суть известного Декрета ВЦИК от 7 июля 1924 года «Об упразднении Автономной Горской Социалистической Советской Республики». Напомним, что пункт 2 этого Декрета гласит: «Автономные области, Северная Осетия и Ингушетия, входят в состав РСФСР и имеют свои административный центр в гор. Владикавказе». («Известия», 1924 г., 1 августа, № 174).

Кроме того, вне поля зрения авторов, безуспешно пытающихся обосновать избрание Владикавказа с 1921 по 1934 год в качестве общей столицы двух автономных областей — Ингушской и Северо-Осетинской — исключительно как следствие радушного гостеприимства осетинского народа, проявленного им по отношению к ингушскому народу еще в дореволюционное время, осталось следующее обстоятельство. Хотелось, чтобы

они в свете своих утверждений съяснили, почему же в июне 1922 года при слиянии существовавших до того двух осетинских округов — Дигорского и Владикавказского — их административным центром стал не Владикавказ, а село Ардон. (Восстановительный период в Северной Осетии, с. 119, 355).

Однако, вернемся ко второй части статьи. Изложение своей крайне тенденциозной версии сформирования этнотерриториальной карты Пригородного района в середине XIX в. авторы завершили вполне достойным тоном и содержанием всей статьи словесным аккордом — скупой фразой, что эти земли «были отведены под казачьи станицы». Но сказано это не только лаконично, но и очень лицемерно, поскольку призвано создать впечатление, что под казачьи станицы отводились свободные земли. Это далеко не так.

В начале 40-х годов, в разгар Кавказской войны, царское командование от возведения на горских землях военных укреплений и постов переходит к созданию там казачьих станиц. Чтобы обезопасить с запада театр военных действий в Чечне, начать решили со среднего течения Суэжи — территория карабулаков, 4 июня 1845 года отряд из 17 рот пехоты, 18 сотен кавалерии при 8 орудиях выступил из Назрановского укрепления к разоренному ранее аулу Ахбарзой для закладки первой станицы. На следующий день, чтобы наперед отбить у окрестного населения охоту препятствовать новому начинанию, командовавший отрядом полковник Нестеров предпринимает неблизкий поход почти до укрепления Закан-Юртовского, и на рассвете атакует готовящийся приступить к наступающему дню

«немирный» аул Шоулон-Шари. Первым в село врывается со своим полком недавно назначенный командиром 1-го Сунженского казачьего полка тридцатилетний майор Слепцов. Дело завершилось быстро: «...взошли в аул и немедленно приступили к зажиганию сакель и истреблению имущества... Аул сожгли до основания». (ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 90, лл. 1—2 об.).

Вдохновляя свое воинство на будущие подвиги, майор Слепцов в приказе по полку в августе того же года писал: «Вы будете иметь борьбу с народом, на котором лежит клеймо Божьего гнева... Нет врага крепту нашему, мы водрузим знамение спасителя везде, где укажет нам Бог перстом царя. Долг наш — оружием утвердиться здесь, на норох местах поселений, и мы обязаны исполнить этот священный долг с горячим усердием, славно, честно, неутомимо». (Генерал-майор Н. П. Слепцов. Спб., 1875 г., с. 10).

В тот, 1845 год, ограничили закладкой двух станиц — на месте Курай-Юрта — ст. Сунженской (с 1852 г. — Слепцовская) и на месте Эбарга-Юрта — ст. Троицкой. В следующем году заложили ст. Михайловскую, а в мае 1847 года на месте Ахбарзоя — ст. Ассиновскую и Магомет-Юртовскую (с 1860 г. — ст. Вознесенская). (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6607, л. 2—7).

При этом ежегодно Слепцовым совершаются карательные экспедиции вверх по Ассе, в направлении Галашки — Алкун, в сторону Бамута. Трудно с точностью установить, сколько раз эти и другие селения уничтожались и вновь возрождались на старых местах рядом с ними.

Продолжена была Сунженская укрепленная линия в июне 1851 года водворением новых станиц — Самашкинской и Алхан-Юртовской. Конкретными исполнителями всей этой кровавой работы были Слепцов (за пять лет дослужившийся от майора до генерал-майора) и Нестеров (за это же время выросший от полковника до генерал-майора). Кстати, до сего дня имена этих «полководцев» Кавказской войны увековечены в Чечено-Ингушетии в названии станицы и железнодорожной станции.

Несмотря на то, что цепь станиц и военных укреплений, поставов к началу 50-х годов XIX в. надежно связали крепости Грозную и Владикавказ, обеспечивая оперативность карательных экспедиций в горы с любого пункта Сунженской линии, создание новых станиц на горских землях к концу Кавказской войны получило новый импульс. Собственно, военными целями это уже не диктовалось, а было вызвано намерением закрепить окончательно глотды «военной победы». Покорение всей плоскости Большой и Малой Чечни (как показывают цитируемые документы, в Малую Чечню включилась и территория ингушей), как сообщал в Петербург главнокомандующий Кавказской армией, «не может доставить полного результата, пока мы не укроемся в Черных горах, ограничивающих с юга все означенное пространство, а потому признается необходимым овладеть некоторыми из ущелий... Черных гор, укрепиться в идущей сзади их более открытой плоскости. Таким образом, мы лишим последнего приюта жителей плоскости, упорствующих признать нашу власть». (ЦГВИА,

ф. 38, оп. 7, д. 365, лл. 21—21 об.).

Первым шагом в этом направлении, чтобы «обеспечить безопасность Военно Грузинской дороги», зимой 1859 года «все население назрановцев, галашевцев и карабулаков было выведено из лесной полосы на открытые и плоские места Малой Чечни». В том же году на месте бывшего карабулакского селения Эльдырхан возникла станица Карабулакская, а вместо ингушских селений Ахкий-Юрт и Ангушт, расположенных выходов из гор на плоскость рек Сунжа и Камбилеевка, появились станицы Сунженская и Камбилеевская (с 1860 г. — ст. Тарская). Для этих трех станиц было отмежевано от земли Назрановского общества 23033 1/2 десятин земли.

Изгнание чеченцев и ингушей из родных селений и «отмежевание» их земель продолжалось в следующем, 1860 году. В тот год даже без переименования вайнахских селений на их места были водворены станицы Умахан-Юртовская, Галашевская, Алкунская, Датыхская, вместо селения Алхасты появилась станица Фельдмаршальская. В 1861 году заложено было «всего» 2 станицы — при выходе Ассы из гор у бывшего Гаджирен-Юрта — ст. Нестеровская и в верхнем течении Сунжи на месте Таузен-Юрта — ст. Аки-Юртовская (впоследствии Воронцово - Дашковская).

Вот отнюдь не полная, но мрачная хронология возникновения на местах чеченских и ингушских селений казачьих станиц. Однако, невозможно понять высокоученых авторов статьи, обозначивших все эти преступления царских колонизаторов просто и предельно ци-

нично: «меры по компактному расселению ингушей». («Социалистическая Осетия», 1990, 8 июня). Нужны ли здесь комментарии?

Ближайшими результатами такого наступления на жизненные интересы горцев в этом районе Северного Кавказа явилось то, что клиньями казачьих станиц были отделены друг от друга Чечня и Ингушетия, перерезаны сообщения между чеченскими селами Притеречной зоны и предгорных мест. Четыре станицы — Сунженская, Тарская, Аки Юртовская и Фельдмаршальская, замыкавшие доступ в горные ущелья, мапрочь отсекали Ингушетию плоскостную от ее горной части. Кроме того, вплоть до окончательного установления Советской власти душевые наделы в здешних горах составляли всего лишь 0,3—0,4 десятины пахотных земель на человека.

Сложилась передоксальная ситуация, когда для того, чтобы просто физически выжить, десятки тысяч чеченцев и ингушей вынуждены были за большие деньги арендовать у станиц земли, еще недавно бывшие их вековой собственностью. Ежегодная арендная плата, в частности ингушей, доходила до 50 тысяч рублей. Целые ингушские селения существовали на арендованной таким образом земле. В начале Ассинского ущелья таких селений было 14, а в окрестностях Владикавказа — 4. Сотни семей устраивались здесь во временных хуторах. (Мартигросиан Г. К. Указ. соч., с. 114—115).

О чем свидетельствует такой факт? Прежде всего, о том, что обработка этой земли (а другой практически не было), являлась для горцев «вопросом жизни и смерти». Изгнанные отсюда насильственным путем и

загнанные в бесплодные горы, они возвращались сюда, упорно преодолевая любые препятствия.

Аграрный вопрос стал главным в революционных событиях на Тереке в 1917—1918 годы. Сложность решения этого вопроса и активное противодействие тому могущественных сил явились важнейшими из причин, свергнувших Терскую область в тот период в хаос анархии и кровавых межнациональных столкновений. «Нередки были моменты, — говорил на III съезде народов Терена нарком земледелия Ю. Пашковский, — когда несколько групп из-за клочка земли создавали несколько фронтов... и здесь была большая угроза миру и всей области». (Съезд народов Терека. Орджоникидзе, 1977. т. 1, с. 284).

По этой нередко повторяющейся в то время схеме, развивался конфликт 1919 года, в частности в Алагире. Его результатом явилось изгнание отсюда нескольких тысяч человек, большинство которых явились потомками уральских рабочих, переселенных сюда в 1850 году для разработки серебро-свинцовых руд. За годы вынужденных скитаний по области сотни из них погибли. Проблемой их устройства центральные и местные власти занимались даже в середине 20-х годов. (Восстановительный период, с. 25, 275). Сохранились подлинные свидетельства о горькой участи этих людей. И этот пример не единственный.

Однако, авторы статьи излагают эту проблему так, словно она затронула на всем Северном Кавказе исключительно одну лишь Ингушетию. В который уже раз в Северной Осетии в откровенно подстрекательских целях (теперь сомнений в

этом уже не остается), грубо извращается история возвращения ингушам в годы гражданской войны земель, отнятых у них в 1859—1867 годы под станции Сунженская, Тарская, Воронцово-Дашковская, Фельдмаршальская и хутор Шолхи.

Материал подается таким образом, что у читателя невольно складывается впечатление, что именно ингуши явились инициаторами репрессий, обрушившихся зимой 1920—1921 года на казаков станиц бывшей Сунженской линии: Ермоловской, Закан - Юртовской, Самашкинской и Михайловской. Жители этих станиц, обвиненные в конце 1920 года в антисоветском восстании, подверглись жестоким репрессиям: мужчин от 18 до 50 лет отправили на «принудительные работы в шахты Донецкого бассейна», а всех остальных выселили в другие станицы и хутора (ЦГА. ЧИАССР. ф. Р-613, от. 1, д. 1, лл. 1—1 об.). Конечно же, ныне не только необходимо, но и есть возможность изучить все обстоятельства, связанные с этим восстанием. Только после этого можно будет дать ему объективную оценку, хотя уже и сейчас нельзя не осуждать методы жестокого наказания всего населения этих станиц.

Вместе с тем, статья дает основание серьезно усомниться в том, что ее авторы выплеснули все это на страницы республиканской партийной газеты, будучи преисполнены искренним сочувствием к самим казакам, да и к другим жертвам того сурового времени. Ведь им, ссылающимся на материалы комиссии ВЦИК по земельному вопросу в Горской республике (1921 г.), известны и другие факты. Например, то, что в это время Осетинский

исполком активно добивался выселения казаков из станиц Змейской, Николаевской, Архонской, Ардонской, с хутором Ардонским, имелись у него необоснованные территориальные притязания и к другим соседям. (ЦГА ЧИАССР, ф. 614, оп. 1, д. 48, лл. 3, об — 4).

Не могут они не знать также, что, несмотря на то, что указанная комиссия добилась отмены дальнейшего выселения станицы (решения же о возвращении уже переселенных казаков на прежнее место жительства, вопреки их утверждениям, ВЦИК никогда не принимал), руководство Северной Осетии не отказалось от этой мысли. Так, нарком земледелия Горской республики Датиев в октябре 1921 года сумел «протащить» через Президиум Всероссийского федерального комитета по земельным делам решение о «выселении части населения из пределов горреспублики». (Восстановительный период... с. 86). Лишь новое энергичное вмешательство комиссии ВЦИК спасло жителей перечисленных станиц от переселения из своих домов. При этом совершенно было ясно, что осетинское руководство посягало на земли, никогда осетинам не принадлежавшие.

Интересно, известно ли нынешним атаманам, хорунжиям Малого Владикавказского казачьего круга, включившимся в мощный хор антиингушской пропаганды, что их станицы при сильном противодействии руководства Северной Осетии в ноябре 1925 года были сведены в самостоятельный Ардонский казачий округ (на правах района). (Там же, с. 345). Чуть позже, этот район стал называться Притеречным, а в 1934 году и вовсе был упразднен.

Эта же тактика была применена здесь и по отношению к ингушам.

Поставив перед собой неблагоприятную цель обогнать историю соседнего народа, авторы статьи метнули бумеранг, который, как известно, возвращается на исходное место.

Мы вынуждены закончить эту статью, рассмотрев далеко не все вопросы нашей обогланной истории. Конечно же, разговор (в том числе, и о «концептуальных» построениях ученых СОАССР) будет продолжен более обстоятельно и подробно. Необходимость такого продолжения диктуется отнюдь не желанием полемизировать с авторами рассмотренной статьи, ибо нельзя вести полемику, когда имеешь дело с прямым антиподом науки.

Недостойным является выпад авторов, попытавшихся под лицемерной вывеской заботы о просвещении ингушской молодежи подвести причинную базу выселения чеченцев и ингушей в 1944 году. По сути дела, текст их статьи (особенно в варианте справки, имеющей широкое хождение в двух наших республиках), ни в чем не уступает тексту сталинско-бериевского Указа 1944 года в части гнусных обвинений в адрес чеченцев и ингушей. Ничего не удержало их от этого шага. Ни то, что в самом начале перестройки правда об этой вопиющей несправедливости прозвучала в честных и мужественных статьях профессора Хаджи-Мурата Ибрагимбеяли, в трудах и свидетельствах других ученых и очевидцев, ни, наконец, известная Декларация ВС СССР от 14 ноября 1989 г.

В заключение оставим за собой право надеяться на то, что поймут, в какое неблагоприятное

дело их втянули, к каким последствиям в нынешних условиях это может привести, хотя бы те авторы, подписи которых понадобились для более «широкого представительства» истин-

ным инициаторам этого пасквиля на историю ингушского народа.

Т. МУТАЛИЕВ,
кандидат исторических наук.

Заключение

Комиссии по обращениям ингушского населения

Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР, созданная 26 марта 1990 года для рассмотрения обращений ингушского населения, изучила их с выездом на место.

Во время пребывания в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республиках, члены Комиссии имели многочисленные встречи с населением Назрановского, Малгобекского, Сунженского, Ачхой-Мартановского, районов Чечено-Ингушской АССР, Пригородного района Северо-Осетинской АССР, с трудящимися ряда предприятий, ветеранами войны и труда, а также с интеллигенцией в городах Грозном, Владикавказе (Орджоникидзе).

Комиссия проанализировала также статистические, архивные и исторические документы и материалы.

Существование обращений ингушского народа заключается в требовании полной его реабилитации, восстановления ингушской автономии в границах 1934 года, а также установлении ее столицы в правобережной части города Владикавказа.

Ингуши и чеченцы в числе других советских народов подверглись жестоким репрессиям в годы Великой Отечествен-

ной войны. В феврале 1944 года в результате бездоказательных обвинений все чеченцы и ингуши, проживающие в Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, были насильственно переселены в Казахстан и Киргизию, а сама автономная республика ликвидирована. Тяжелые испытания выпали на долю переселенцев, особенно стариков, женщин и детей. Насильственное выселение чеченцев и ингушей — это трагедия, незаживающая рана народа. Незаконная, бесчеловечная акция выселения оставила глубокие следы в жизни народа. Горькая память об этом постоянно проявлялась во время многочисленных встреч на ингушской земле.

Чечено-Ингушская АССР была восстановлена в 1957 году. Но актами об отмене репрессий права переселенных полностью восстановлены не были: не отменено огульное обвинение чеченцев и ингушей в измене Родине; ничего не сказано о том, что упразднение автономии народа было незаконным; не были до конца решены и некоторые другие вопросы.

Комиссия отмечает, что в нынешних условиях Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов

против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» создает основу для полной реабилитации ингушского и чеченского народов.

Автономия ингушского народа существовала ранее. Ингушская автономная область была образована в 1924 года при упразднении Автономной Горской ССР и расчленении ее по национальному признаку. Тогда были образованы две автономные области — Ингушетия и Северная Осетия, а также автономный Сунженский округ. Город Владикавказ был выделен в самостоятельную административную единицу РСФСР.

В 1934 году Ингушская автономная область была объединена с Чеченской автономной областью в единую Чечено-Ингушскую область, ставшую в 1936 году автономной республикой с центром в городе Грозном.

В марте 1944 года в результате незаконной ликвидации Чечено-Ингушской АССР на большей части ее территории была образована Грозненская область, а остальная часть территории республики была разделена между Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. Все эти территории были заселены русскими, осетинами, некоторыми народами Дагестана, выходцами из Грузии и другими народами.

В январе 1957 года в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР были установлены новые границы и административно-территориальное устройство автономной республики.

В настоящее время из 237 тысяч ингушей, проживающих в СССР, на территории Чечено-Ингушской АССР живет

около 165 тысяч ингушей, 140 тысяч из них — в Назрановском, Малгобекском и Сунженском районах автономной республики, что составляет три четверти населения этих районов.

Более 33 тысяч ингушей проживает сегодня в Северо-Осетинской АССР, и большая часть из них — в Пригородном районе автономной республики.

Значительная часть территории нынешнего Пригородного района, расположенная на правом берегу реки Терек, с 1924 года вплоть до 1944 года входила в состав Ингушской автономной области, а затем Чечено-Ингушской АССР. До 1944 года численность населения Пригородного района Чечено-Ингушетии составляла более 34 тысяч человек, из них 31 тысяча человек — ингуши. А ныне на территории прежнего Пригородного района проживает около 40 тысяч человек, в том числе прописано 17,5 тысяч ингушей. В ряде сел этой части района (Чермен, Тарское, Дачное, Майское, Куртат) ингуши составляют от 50 до 80 процентов всего населения.

При восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году Пригородный район без учета возможных последствий для межнациональных отношений был оставлен в составе Северо-Осетинской АССР. В 1963 году его территория была значительно расширена за счет присоединения к нему земель Северной Осетии по левому берегу реки Терек.

Ингушское население Чечено-Ингушской АССР и Пригородного района Северо-Осетинской АССР остро ставит вопрос возвращения Пригородного района в его прежних границах (до 1944 года) в Чечено-Ингушскую АССР. Ингуши в своих

обращениях указывают, что эта часть Пригородного района Северо-Осетинской АССР исторически и этнически является ингушской землей. Многие ингуши, проживающие в настоящее время в Чечено-Ингушской АССР, стремятся возвратиться в села Пригородного района, откуда их семьи были выселены в 1944 году. Но из-за ограничения прописки и купли-продажи жилых домов, установленного постановлением Совета Министров СССР, № 183 от 6 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР», эти вопросы не решаются.

Многие прежние названия ингушских сел в Пригородном районе заменены новыми. Все это вызывает справедливое недовольство ингушского народа.

Город Владикавказ был основан российской администрацией в 1784 году вблизи ингушского селения Заур, как военная крепость, которая в 1861 году была преобразована в город, ставший центром Терской области. После установления Советской власти на Северном Кавказе, в 1921—1924 годах Владикавказ был центром Автономной Горской ССР.

С 1924 по 1933 год в городе Владикавказе располагались руководящие органы Северо-Осетинской, Ингушской автономных областей, Сунженского автономного округа и самого города, который в течение всего времени сохранял статус самостоятельной административной единицы РСФСР. Между ними были поделены находящиеся в городе административные здания, предприятия местной промышленности, учебные заведения и другие учреждения.

В июне 1933 года город Владикавказ постановлением ВЦИК был включен в состав Северо-Осетинской автономной области, а с 1936 года стал столицей Северо-Осетинской автономной республики. В настоящее время в городе проживает 310 тысяч человек. В составе населения осетины составляют 48,5 процента, русские — 37,3 процента, ингуши — 4,8 процента, грузины — 3,4 процента, армяне — 3,3 процента.

В правобережной части города Владикавказа (Ленинский и Промышленный районы), размещены руководящие органы Северо-Осетинской АССР, министерства и ведомства, высшие учебные заведения, объекты культурного назначения, а также около 30 крупных промышленных предприятий. Объем продукции, выпускаемой предприятиями Ленинского и Промышленного районов Владикавказа, составляет более половины объема промышленной продукции Северо-Осетинской АССР.

Одним из главных мотивов требований ингушского народа восстановить автономию в прежних границах является стремление преодолеть отставание районов компактного проживания ингушей в Чечено-Ингушской АССР в социально-культурном и экономическом развитии. Эти районы, как и автономная республика в целом, существенно отстают в социально-экономическом развитии от средних показателей по РСФСР. Обеспеченность ингушских районов жильем на одного человека составляет в среднем только 10,6 квадратных метров; большими койками — 84 койки на 10 тысяч населения; лишь 28 процентов детей обеспечены местами в детских садах и яслях, около 40 процентов школь-

ников обучаются в непригодных помещениях, низок уровень торгового и бытового обслуживания населения.

Привычкой социальной напряженности в ингушских районах является также значительная незанятость трудоспособного населения в общественном производстве. В Назрановском, Малгобекском и Сулейманском районах Чечено - Ингушской АССР не занято 16,5 тысяч человек, или каждый пятый из трудоспособного населения этих районов. Однако постановление Совета Министров СССР № 1126 от 20 ноября 1985 года «О мерах по дальнейшему улучшению использования трудовых ресурсов Чечено-Ингушской АССР в 1986 -- 1990 годы и в период до 2000 года» практически не выполняется.

В результате проведенной работы Комиссия Совета Национальностей Верховного Совета СССР пришла к следующему заключению:

1. Политическая реабилитация ингушей, чеченцев и других народов, репрессированных и депортированных в годы Великой Отечественной войны, осуществлена 14 ноября 1989 года Декларацией Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессированных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Однако юридическая реабилитация ингушского и других репрессированных народов практически до сих пор не осуществлена.

Верховному Совету СССР необходимо определить принципиальные подходы к решению вопросов восстановления прав всех народов, подвергшихся насильственному переселению.

Согласно Декларации Верховного Совета СССР Министерству юстиции СССР и соответствующим министерствам и ведомствам необходимо ускорить подготовку предложений по отмене или изменению законодательных актов СССР, связанных с насильственным выселением народов, в том числе ингушей и чеченцев, и ускорить внесение указанных предложений на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Следует также рекомендовать Верховному Совету РСФСР рассмотреть вопросы отмены или изменения соответствующих республиканских актов.

2. Учитывая просьбы ингушского народа и Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР о восстановлении автономии ингушского народа, Комиссия вносит предложение рекомендовать рассмотреть вопрос Верховному Совету РСФСР.

3. Комиссия считает, что требования ингушского населения о возвращении Чечено-Ингушской АССР Пригородного района в его границах до 1944 года и других территорий, ранее входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания и подлежат рассмотрению Верховным Советом РСФСР.

По мнению Комиссии, для выработки решений по этим сложным вопросам можно было бы привлечь народных депутатов, старейшин, ветеранов войны и труда, представителей духовенства и других уважаемых ингушским и осетинским народами людей.

4. Комиссия пришла к выводу, что Постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо - Осетинской АССР» следует отменить.

5. Комиссия считает, что предложения об установлении столицы ингушской автономии в правобережной части города Владикавказа не могут быть реализованы в силу существующих социально-политических, демографических и экономических реальностей»

6. Комиссия считает необходимым рекомендовать Совету Министров Чечено-Ингушской АССР разработать и внести на рассмотрение Совета Министров РСФСР меры по экономическому и социальному развитию автономной республики.

Изучение обращений ингушского народа показало, насколько сегодня важно для оздоровления советского общества справедливое и взвешенное разрешение проблем народов, репрессированных в годы Великой Отечественной войны.

Комиссия уверена в том, что для справедливых, взаимоприемлемых решений в интересах

нынешнего и будущих поколений нужны обоюдная добрая воля, мудрость народов, веками живущих вместе.

Председатель комиссии
А. БЕЛЯКОВ

Члены комиссии
А. АКАЕВ
Ю. БОЯРС

А. ГАЛАЗОВ*

С учетом моих замечаний
М. ДАРСИГОВ

С учетом моих замечаний
Д. ЗАВГАЕВ

С. ЛАВРОВ

С учетом моих замечаний
Ю. МАРИНИЧЕВ

П. ОСИПОВ'

* А. Галазов данное заключение не подписал.

Особые мнения

членов Комиссии

Особое мнение по пункту 5:

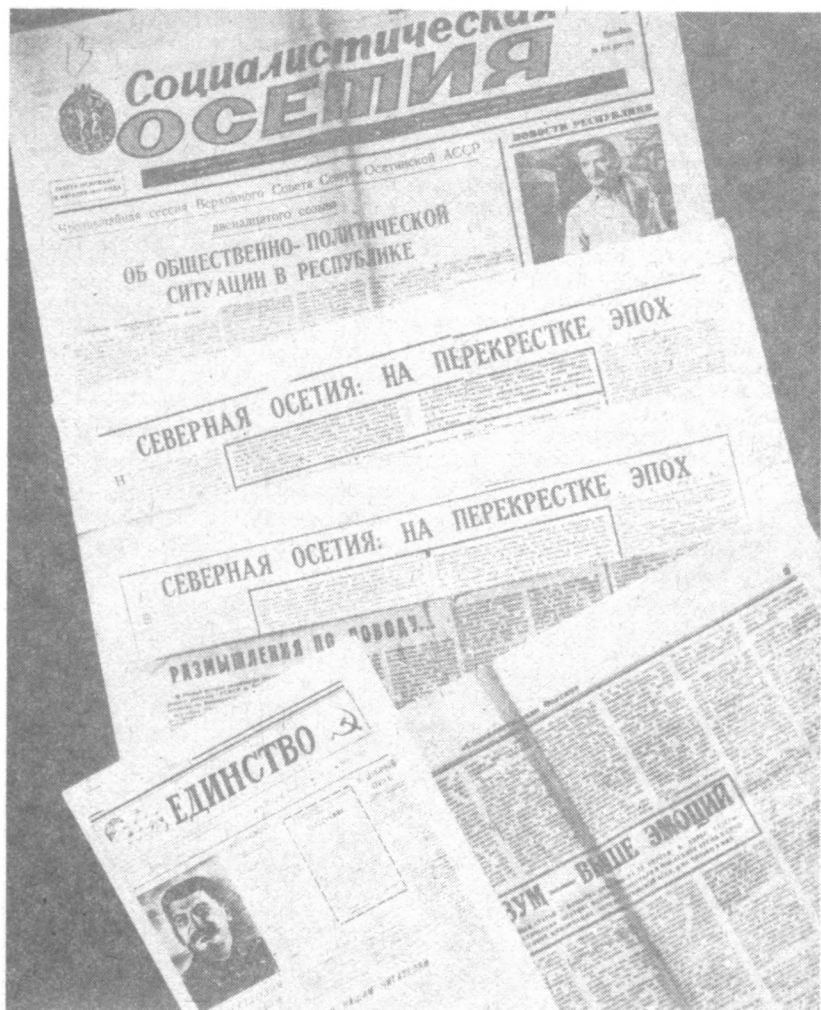
По данному пункту следует дополнительно изучать материалы и все последствия позитивного или отрицательного решения вопроса Бояре Ю.

1. Марвицнев Ю. В., народный депутат СССР предложил дополнить пункт 1 словами: «В связи с тем, что провозглашая свой суверенитет и признавая принцип недопустимости изменения границ без взаимного согласия республик, включая и территории, с которых в годы репрессий насильственно были выселены народы, сегодня выступающие за возвращение на свою историческую родину и восстановление собственной автономии, Комиссия считает целесообразным принятие Верховным Советом СССР специаль-

ного закона о том, что действие деклараций республик о суверенитете и принятых в их развитие законов не распространяются на территории, с которых были насильственно выселены ранее проживавшие там народы».

2. Загаев Д. Г., Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР высказывает предложение: «Исключить из Заключения Комиссии пункт 5».

3. Дарсигов М. Ю., народный депутат СССР выразил мнение вложить пункт 5 Заключения Комиссии в следующей редакции: «Ингушский народ имеет полное право на установление столицы ингушской автономии в правобережной части г. Владикавказ».

Печать Северной Осетии пестрит публикациями, отвергающими самое мысль о восстановлении территориальной целостности Ингушетии.

А в Ингушетии не прекращаются митинги: народ требует возвращения отобранных земель, домов, кладбищ.

ТРАГЕДИЯ ИНГУШСКОГО НАРОДА

Составитель Ю. Тангиев

Художник А. Арсаханов

Технический редактор И. Мержоев

Сдано в набор 19/IV-91 г. Подписано в печать 25/IV-91 г.

Бумага КМТ-60 см. Печать офсетная. Объем 4 п. л. Тираж 30000 экз. Заказ № 788

Цена договорная

**Типография издательства
«Грозненский рабочий»
г. Грозный, ул. Маяковского, 92.**

